

ВСПЫШКА

Элис Бродвей

Элис Бродвей

Вспышка

Серия «Книги на коже», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64237841
Бродвей Э. Вспышка : роман. Трилогия. Книга вторая: ООО
«Издательство Робинс»; Москва; 2019
ISBN 978-5-4366-0540-1*

Аннотация

Мир Леоры Флинт раскололся надвое, когда она узнала правду о своём происхождении. Она оказывается перед страшным выбором: работать на людей, которые безжалостно манипулировали её чувствами, или навсегда стать изгоем? Чтобы спасти близких, Леора уходит в город пустых, жителей которого ещё недавно считала злейшими врагами...

Это история о правде и лжи, о старых врагах и новых друзьях, о предательстве и прощении.

У медали всегда две стороны. Вы почувствуете это своей кожей.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	33
Глава четвёртая	39
Глава пятая	44
Глава шестая	52
Глава седьмая	70
Глава восьмая	81
Глава девятая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Элис Бродвей

Вспышка

Книга вторая

Alice Broadway
Spark

Scholastic Children's Books An imprint of Scholastic Ltd.

Euston House, 24 Eversholt Street, London, NW1 1DB, UK

Registered office: Westfield Road, Southam, Warwickshire,

CV47 0RA SCHOLASTIC and associated logos are trademarks
and/or registered trademarks of Scholastic Inc.

First published in the UK by Scholastic Ltd., 2018

Text © Alice Broadway, 2018

The right of Alice Broadway to be identified as the author of
this work has been asserted by her. All rights reserved.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на рус-
ском языке, 2019

* * *

Рэйчел, Хейли и Кэрис посвящают

Глава первая

Прогулка по лесу... Просто так по лесу не гуляют. В сказках уж точно. Брата с сестрой бросают в чаще. Девочка в красном сворачивает не в ту сторону – и встречает волка.

Красавица находит замок, а в нём – чудовище. В лесу творятся чудеса и происходит страшное. Интересно, чем кончится моя сказка? Не знаю.

Знаю лишь, что среди деревьев холодно и пахнет сыростью. Невидимые лесные жители разбегаются, заслышав мои шаги, а следом будто кто-то крадётся, не давая спокойно вздохнуть. Не я выбрала эту дорогу, но пройти этот путь я должна до конца. Что ждёт меня? Волк? Злая ведьма? Чудовище? Возвращаться нельзя... Не знаю, что откроется за деревьями, но дома ещё опаснее. Я должна отыскать Фетерстоун – больше мне идти некуда.

Лесной туман пахнет дымом. Такой же смрад окутал меня на церемонии взвешивания, когда сожгли папину книгу. Я упрямо шагаю вперёд. Ботинки, облепленные листьями, скользят по влажной земле, с каждым шагом ноги всё сильнее мёрзнут. Дым... его запах навечно застрял у меня в лёгких. Повернуть бы время вспять и потушить тот огонь во Дворце правосудия! Я думала, что смогу изменить мир, но вышло только хуже.

Обель сказал, что путь свободен и я без труда найду дорогу. Он ошибся. С каждым шагом мне слышится шелест: «Потерялась, заблудилась, потерялась, заблудилась...» Так поют моя душа, и кости, и кожа.

Глава вторая

Я получила официальное приглашение «обсудить недавние события». Однако за вежливыми фразами письма угадывался безоговорочный приказ. У двери в кабинет мэра

я немного замешкалась и попыталась успокоиться, положив руку на грудь, где Обель, мой наставник, вытатуировал великолепную, раскинувшую крылья птицу. В тот вечер сила была на моей стороне – я открыла знак вёрона и произнесла вслух имена забытых. В моём поступке увидели угрозу сложившемуся порядку. Этого я и добивалась. И теперь, уже не в первый раз, оставалось только гадать, как повернётся моя жизнь.

Когда я вошла в просторную тёплую комнату, уставленную вдоль стен книжными шкафами, мэр Лонгсайт встал. Он обошёл письменный стол и протянул мне руку. Немного поколебавшись, я её пожала. Возле стола, сбоку, сидела Мел, наша рассказчица. Она не шевельнулась и не произнесла ни слова, но, забывшись на минуту, радостно улыбнулась мне. Неужели она скучала? Покачав головой, я прогнала эти мысли. Мел предала меня – разве такое забудешь?

Мэр Лонгсайт жестом предложил мне сесть и опустил-ся в своё кресло. Теперь нас разделял массивный деревянный письменный стол. Я с облегчением вздохнула – мэр по-прежнему не скрывал своих знаков, рядом с его нагим телом я чувствовала себя неловко. Обтянутый тёмно-бордовой кожей стол был пуст, если не считать ручки с золотым пером, чернильницы и стопки простой плотной бумаги. Мэр Лонгсайт заговорил первым:

– Я рад, что вы согласились встретиться со мной, мисс Флинт.

Можно подумать, у меня был выбор!

– Полагаю, нам следует обсудить тот маленький спектакль, который вы устроили на церемонии чтения имён. Вы не против?

Спектакль! Он что, собирается отчитать меня как непослушного ребёнка? Горячая кровь прилила к моим щекам. Лонгсайт откинулся на спинку кресла, ожидая ответа. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить ощущение силы, захлестнувшей меня той ночью. Обель потом уверял меня: «Ты не сделала ничего плохого, девочка моя. Напугала их – вот и всё».

– Мы подробно обсудили твои поступки, Леора, – устало, будто скрывая зевоту, произнёс мэр. – Мел защищала тебя, не жалея сил. Она верит, что в тебе ещё много хорошего.

Его взгляд проникал мне в самую душу. Я опустила глаза.

– Наша рассказчица считает, что мы поторопились, возложили на тебя слишком большие надежды.

Мел почтительно молчала, не поднимая глаз. Как мне хотелось услышать её голос, встретиться с ней взглядом! Заполучить в наставницы Мел – большая честь. Мне всегда казалось, что рассказчица понимала меня, как никто другой. С ней можно было не скрывать мыслей и чувств. Ко мне вернулся голос:

– Вы меня обманули. – Я смотрела на Лонгсайта, но обращалась и к Мел. – Вы дёргали меня за верёвочки как куклу, подбрасывая нужные сведения.

Передо мной снова возник зал во Дворце правосудия, мама, друзья и знакомые, тени, пляшущие на стенах, и я... Я молча смотрела, как Джек Минноу бросил в огонь папину книгу. Как умно они всё устроили! Я по собственной воле отреклась от родного отца. Отвернулась от человека, который меня вырастил и воспитал. Истина открылась мне слишком поздно.

– Вот как? – Мэр подался вперёд, опершись локтями о стол. – А теперь послушай, что я тебе расскажу. Жила-была девушка, дочь и внучка пустых, и знать не знала своих предков. Мы лишь исполнили нашу святую обязанность и открыли тебе правду, уж коли женщина, называвшая себя твоей матерью, не решилась. Мы не только помогли тебе узнать истину, но и предложили достойное место в обществе, право и возможность служить людям. Мы защитили бы тебя от узколобых, недалёких жителей нашего города... Думаешь, всякий примет пустую?

Я – пустая. Вот и всё. Страшное слово произнесено. Я слишком долго не знала правды и привыкала к новому образу болезненно, будто разношивала тесные ботинки. Моя мать, как оказалось, мне не родная. Жизнь мне дала совсем другая женщина – пустая. Её кровь струится по моим жилам, она живёт в каждой клетке моего тела. Вот почему я так не похожа на всех вокруг. На моей коже есть метки, с этим не поспоришь, но сердце моё наполовину пустое. Я пустая – и всё же покрыта знаками. Таких, как я, больше нет. А в

Сейнтстоуне ничего опаснее быть не может.

Лонгсайт сказал правду. Никто – ни мама, ни Обель, ни родители Верити, Джулия и Саймон, – не пожелал рассказать мне правду. И даже Оскар, тот парень, который мне нравился, наверное, знал больше, чем было известно мне самой. В последний раз я видела Оскара, когда он отдал мне клочок папиной кожи – единственный уцелевший после сожжения книги. Мы с Оскаром больше не верим друг другу, нам не о чем говорить, но я часто думаю о нём. Один лишь Лонгсайт рассказал мне то, что я так стремилась узнать. Вот только... что же мне теперь с этим делать?

– Мне никогда не понять, о чём ты думала, выбирая последнюю метку, – прервал мои размышления мэр, кивнув на голову вёрона у моей шеи, так искусно вычерненную Обелем. – Да... мы слишком много на тебя взвалили.

Он не знал. Да и откуда ему было знать, что вёрон возник на моей груди ещё до того, как меня коснулся чернильщик! Знак вёрона много ночей подряд снился мне, и лишь потом его очертания проявились на моей коже. Розовые и лиловые линии засияли на мне как по волшебству – и я всё поняла. По моей просьбе Обель увековечил это послание на моём теле. Меня не запугать.

– Мы ошиблись, Леора. Признаю. – Лонгсайт опустил голову. – Мел горячо, всем сердцем верит в нашу правоту, как и Джек Минноу. Однако сильные чувства... скажем, иногда захлёстывают, застилают глаза.

Мел смущённо заёрзала в кресле. Почему она не добавит ни слова? Рассказчица наделена властью – она выше любого из горожан. Из уст Мел звучат истории, по которым живёт весь Сейнтстоун, и всё же она покорно молчит. Странно. Она что-то скрывает.

– Они глубоко сожалеют, что причинили тебе боль.

От этих слов я дёрнулась, будто меня ударили. Ложь! Да Минноу не знает слова «сожаление».

– Мы не злодеи, Леора, – криво улыбнулся мэр. – И это не сказка. Мы искренне верили, что с твоей помощью жизнь в Сейнтстоуне станет лучше, безопаснее. Ты ведь такая одна, понимаешь? Ты и пустая, и отмеченная. И, несмотря на своё происхождение, ты на нашей стороне, верна нашему учению. Не помешала даже кровь твоей матери-отступницы. – Я покачала головой, но Лонгсайт склонился ко мне, буравя взглядом. – Подумай хорошенько, Леора. От такого дара не отказываются. Да при одной мысли о мужчине, который приводит на своё ложе пустую женщину... – Мэр содрогнулся. – Однако из этого невероятного союза вышло нечто хорошее. Для людей ты символ надежды, новых возможностей. Пустая свернула на дорогу истины... Знаю, знаю, наша дорогая Мел произнесёт речь о мире и согласии, о том, как в тебе сошлись Мория и её сестра, Белая Ведьма. Однако меня детскими сказками не проведёшь. – Мэр взглянул на рассказчицу – на её лице не дрогнул ни один мускул. – На всех не угодишь, Леора. Скажу честно, я нахожусь в крайне неприятном по-

ложении. Закон о выселении защитил нас, но лишь на некоторое время. Два города жили мирно, не мешая друг другу. Это непростое перемирие, согласен, но даже такой мир лучше любой ссоры. Однако пустые слишком долго испытывали моё терпение, раз за разом нарушая все пункты нашего договора. Я не стану молча смотреть, как пустые жгут, грабят и унижают наших граждан. Договор должны соблюдать обе стороны. Пустые не слушают уговоров. Их необходимо уничтожить – и так будет. В этом у меня сомнений нет. Сейчас ты особенно нужна нашему народу.

И тогда на меня свалилась огромная тяжесть – я в конце концов поняла, что натворила. Я отказалась от своего места в обществе, собственными руками разрушила право работать, жить и быть счастливой – сломала своё будущее. Я всего лишь хотела быть чернильщицей, учиться, узнавать новое.

– У меня не было выбора, – попыталась объяснить я, даже не задумываясь, сколько правды в моих словах. – Или, по крайней мере, выбор был очень ограничен: либо я работаю на вас, либо меня объявляют изгоем, забытой. – Я посмотрела Лонгсайту в глаза. – И раз уж пришлось выбирать, то я предпочла стать изгоем.

– Это далеко не единственная возможность, – грустно улыбнулся мэр, будто уговаривая капризного ребёнка.

«А если ты действительно всего лишь капризная девчонка, – зашептал мне на ухо едва слышный голосок, – зачем они с тобой возятся?»

Я отбросила с лица чёлку и посмотрела Лонгсайту в глаза:
– Скажите: пустые действительно нам угрожают?

Стало очень тихо. В комнате было жарко натоплено, однако я вздрогнула от озноба.

– И угроза эта куда более реальна, чем ты можешь себе представить, Леора, – тихо ответил наконец Лонгсайт.

Я сглотнула подступивший к горлу ком.

– Чего же вы хотите?

Он вздохнул:

– Всего лишь мира, Леора... для людей. Они доверились мне, и я за них в ответе, я их люблю.

Не понимаю... он действительно любит людей или ему нравится видеть, как мы исполняем его желания?

Мэр снова заговорил:

– Из искры недовольства одной юной чернильщицы быстро разгорится настоящее пламя. Одной твоей выходки было достаточно, чтобы смутить жителей, поколебать их веру. Ты пустая, но на твоей коже есть знаки. Твоего отца объявили забытым, но ты заставила нас его помнить. Ты посеяла семена недоверия. Я хочу, чтобы ты исправила свою ошибку. Вот зачем ты нам нужна. Да, конечно... – Он повысил голос, не давая мне вставить и слова. – Действовать придётся тебе. Люди ждут. Они хотят увидеть, как ты поступишь. Так помоги нашему городу, своей семье и друзьям – покажи свою верность, искупи вину, и мы снова станем едины и сильны духом. Я знаю, как тебе доказать своё искреннее раскаяние.

Чувство вины охватило меня куда быстрее, чем гнев. На плечи мне будто опустился тяжкий груз. Из-за меня дрогнул мой маленький мир – друзья и близкие. Неотрывно изучая выражение моего лица, мэр Лонгсайт произнёс:

– Ты пойдёшь в Фетерстоун.

Бессмыслица какая-то.

– В Фетерстоун? – Я не узнала собственный голос. – Зачем?

– Потому что моё терпение на исходе. Я устал выносить вероломство и жестокости пустых. Пора с ними покончить. И поможешь нам ты. – Мэр задумчиво улыбнулся. – Поживёшь среди пустых. Сама увидишь, каковы они. А потом расскажешь мне, чего они хотят. И когда придёт время, пустые тебе доверятся, а ты выступишь против них, на нашей стороне. Кое-что нам известно о пустых наверняка, однако о многом мы только подозреваем. Больше всего я боюсь, что противник куда опаснее, чем мы полагаем. Джек Минноу прав: пока жив хоть один пустой, нам есть чего бояться. Джек уверен, что битвы между пустыми и отмеченными не избежать. Жители Сейнтстоуна не хотят войны. Мы привыкли жить в мире. – Его улыбка лучилась великодушием, однако глаза поблёскивали сталью. – Мне нужны доказательства злодеяний пустых, чтобы объединить наших граждан, сплотить их на борьбу. Поверь, Леора, я очень долго терпел. Будь на моём месте Джек Минноу, он бы давно выкурил пустых, вывел их на чистую воду, передавил как паразитов.

– У меня есть выбор? – едва слышно прохрипела я, когда наконец смогла говорить. – Вы требуете, чтобы я уничтожила целый город.

К моему удивлению, ответила Мел:

– Выбор есть всегда, моя милая. – Она вздохнула и словно вернулась из мира безмолвных теней, заняв своё место, ожив до последней клеточки своего величественного тела. – Выбор есть у каждого... и у нас тоже.

Лонгсайт со вздохом откинулся на спинку кресла, однако взмахом руки позволил Мел продолжать. Её голос зазвучал как виолончель – в нежной мелодии переплелись печаль и надежда.

– Леора, ты и сама знаешь, что совсем не похожа на остальных.

Я хмуро смотрела на рассказчицу – ничего подобного я знать не знала, но она улыбалась, и, как раньше, её улыбка лучилась любовью. Верой.

– Не только потому, что ты одновременно пустая и отмеченная, – в тебе есть удивительная отвага.

Мел привычно кивала в такт словам, и я вспомнила, как её рассуждения поддерживали меня раньше, когда рассказчица была моей наставницей. Теперь приходилось держать сердце взаперти, не поддаваясь на сладкие речи.

– В тебе столько огня, столько страсти – я никогда не встречала подобного. Вот почему твоя ошибка так ранила меня. Мы испугали тебя, потребовали слишком многого, и я

признаю свою ответственность... В кощунственном чтении имён забытых виновата я.

Я закрыла глаза. Была ли то моя победа или отступничество? Я прочла вслух имена забытых вместе с именами достойных. Я взяла на себя роль судьи, говорила от лица предков, правителей, всего общества.

– Прошлое можно изменить. – Мел произнесла это тихо, глухим голосом. Она наверняка знала, что её слова столь же кощунственны, сколь мои поступки. Однако рассказчица посмела произнести их в присутствии Лонгсайта. – Скажем прямо: ты совершила преступление, и нам не составит труда предъявить тебе обвинение и потребовать суда. Ты знаешь, какая расплата тебя ждёт.

Я вздрогнула, вспомнив Коннора Дрю, отца Оскара, и то, как ему при всех, на площади, нанесли знак вóрона. Знак забытых. В тот день мой мир раскололся.

– Однако правители Сейнтстоуна умеют прощать. – Мел взглянула на Лонгсайта, и он в ответ приподнял бровь. Рассказчица встала. – Всё можно исправить. И только ты можешь это сделать. Ты – наша новая Мория.

У меня перехватило горло. Лонгсайт ничего не знал, но Мел... могла ли она догадаться, что мои знаки пришли изнутри, проявились на коже, совсем как у Мории, прекрасной сестры из сказаний? Мел шагнула ко мне, давая разглядеть рисунки, покрывавшие её тело. Рассказчица – наша живая священная книга. Её голосом звучат сказания, которыми жи-

вёт Сейнтстоун. На коже Мел отражена наша история. Она – живое воплощение нашей веры.

– Чтобы преодолеть пропасть, придётся построить мост. – Мел подошла так близко, что я ощутила аромат благовонных масел, которые втирают рассказчице в кожу. – У пустых есть тайны, которые необходимо раскрыть. Нам известно о дерзких набегам на окраины города, и в последнее время наши противники кражами не ограничиваются. Пустые намерены ослабить нас, они выжидают лишь подходящего случая, чтобы напасть. К сожалению, мы не знаем, когда будет нанесён удар. – Мел печально посмотрела на меня. – Мы не знаем, как сохранить мир. Пока не знаем.

При этих словах я взглянула ей в лицо, а потом повернулась к Лонгсайту. Услышав о мире, мэр непроизвольно скрипил губы. Казалось, он едва сдерживает нетерпение или даже голод.

– Когда-нибудь пустые и отмеченные снова станут одним народом, – продолжала Мел. – Такой день обязательно наступит. И чтобы приблизить его, Леора, нам следует проявить сострадание.

Я лишь сверлила рассказчицу непонимающим взглядом. К чему она ведёт?

Лонгсайт вздохнул:

– Они украли наши истории, переврали в них каждое слово, превратили их в яд, сводящий с ума. Пустые, как мы их называем, – вовсе не олицетворение зла. Большинство – са-

ми жертвы обмана. Их необходимо вернуть на путь истины, добродетели. Они должны услышать правду.

Мел говорила искренне. Она верила в наше учение, в силу его спасения. Однако Лонгсайт, слушая Мел, вовсе не светился от удовольствия. Подозреваю, что, не будь рассказчица столь уважаема в Сейнтстоуне, мэр давно заставил бы её замолчать. Интересно, что им движет? Похоже, за маской сочувствия он прячет холодный расчёт. Важны ли для него наши истории, как для Мел, или он всего лишь стремится стереть пустых в порошок – раз и навсегда?

Так кем мне предлагают стать: мостом доверия или тайным оружием?

– Есть такая старая-старая сказка. – Нежный голос Мел обволакивает, сопротивляться ему невозможно. – Этой истории не найти на моей коже. В ней говорится о том, что однажды сёстры воссоединятся и принесут всей земле мир. – Мел помолчала, давая мне осознать сказанное. – Есть только два способа исполнить предсказание, моя милая: добром или силой оружия. Пустые должны покориться.

Мэр Лонгсайт сглотнул, как будто предвкушая победу, мечтая утолить голод власти. Мел тоже увидела выражение его лица и едва заметно вздрогнула.

– Леора, – тихо произнесла она. – Я искренне надеюсь, что мы вернём пустых на путь истины любовью, а не силой.

– То есть если мы расскажем им правду и они в неё поверят, то сами захотят покрыть свою кожу знаками?

– Я надеюсь, что так и будет, Леора. Об этом мои молитвы. – Мел опустилась в кресло. – Они не ведают, что творят, и нам это радости не приносит. Несчастные бродят во тьме, но их заблудшие души достойны лучшей участи.

Рискованные слова. Мэр Лонгсайт, покашливая, поднялся. Он вышел из-за стола и встал перед Мел, закрыв её от меня своим украшенным искусными татуировками телом.

– Мы полагаем, если ты попросишь у пустых убежища, они тебя примут. Никому другому это не удастся. Только так мы сможем раскрыть их тайны и защитить наш город. – Мэр сосредоточенно смотрел на меня, его голос звучал сладкой музыкой. – Мы с тобой не видели войны, – говорил Лонгсайт, расхаживая по комнате. – Нам повезло. О смерти и разрушениях мы лишь читали в учебниках. Нам не понять ужаса битвы, потому что для нас это лишь слова. Мы привыкли к безопасности и покою и не представляем себе другой жизни. Однако сражения не избежать – попомни мои слова. Если мы ничего не предпримем, предоставим пустых самим себе, то приблизим собственную гибель. Леора, мы защищаем жителей Сейнтстоуна от худшего, что только можно вообразить, – от страха перед будущим. Сколько ещё детей должно исчезнуть без следа, сколько нам терпеть кражи скота и порчу урожаев? Когда мы найдём в себе силы ответить? Для пустых убийства – забава, и в последнее время эти наглецы ничего не боятся.

Мне вспомнились страшные рассказы о пустых, которые

я часто слышала в детстве.

– Мы знаем – как же иначе! – что некоторые жители Сейнтстоуна сознательно помогают пустым. Их имена нам известны.

Я отвернулась, вспомнив о папе, о Конноре Дрю, об Обеле. Об Оскаре.

– Они все ошибаются, однако... – мэр бросил взгляд на рассказчицу, – кое-кто верит, что предателей можно наставить на путь истинный. И если ты нам поможешь, мы не будем их наказывать.

– А если я останусь в Сейнтстоуне?

– Не выйдет, Леора. – Мэр поправил стопку бумаги и ручку с золотым пером, положив их строго параллельно. – Той ночью ты отвернулась от нас. И не надо так наивно распахивать глаза. Как ещё назвать то, что ты устроила на чтении имён? Не пора ли совершить что-то полезное? Например, помочь тем, кого ты, по собственному признанию, так сильно любишь? Отправляйся в Фетерстоун и жди от меня вестей. Можешь рассказать пустым всё, что тебе известно. Не такое уж сложное задание, правда?

– Вы отсылаете меня? Но куда? Я даже не знаю, где находится Фетерстоун. – Мой голос дрогнул, как у готового заплакать ребёнка, и я нервно сглотнула. – Я уже многим пожертвовала.

– Понимаю, – сочувственно кивнул мэр. – Многим... но кое-что ещё осталось.

Пробираясь по лесу, я всё жду, когда же появится неказистый домик из сказки о двух сёстрах. Они жили в нём счастливо, пока не умер их отец-дровосек. И конечно, добрая и справедливая Мория вышла замуж за принца. На её коже появились знаки, оставляя душу чистой и незапятнанной. А другая сестра, Белая Ведьма, скрылась в лесу – её изгнали отовсюду.

Я чувствую, что за мной кто-то следит, но стоит обернуться – за спиной никого.

После разговора с Лонгсайтом я отправилась в студию к Обелю.

– Смотри-ка, выбралась живая-здоровая, – оглядев меня с головы до ног, улыбнулся наставник.

Его серо-голубые глаза могли напугать ученика до полу-смерти, однако на клиентов смотрели с неизменной благожелательностью. Обель провёл пальцами по волосам, слегка отросшим с нашей первой встречи.

– И новых знаков на тебе не прибавилось. Что, принуждали к раскаянию?

Я не знала, что ответить.

– Там была Мел. Они сказали, что я должна попытаться... принять себя такой, какая есть.

– Верно. – Обель пристально посмотрел мне в глаза. – А что они ещё сказали?

– Предложили работать на них.

– А именно?

Я отвернулась.

– Мэр хочет, чтобы я пошла в Фетерстоун.

– Вот как, – задумчиво протянул Обель. – А что ты там будешь делать?

Я промолчала, и наставник печально вздохнул:

– Леора, ты изменилась. Утром в тебе клокотал гнев, ты не собиралась проигрывать эту схватку.

Я пожала плечами.

– Можешь забыть то, что я сейчас скажу. Ты мне ничего не должна. Но кое-что тебе следует знать. Я всю жизнь слушал разные варианты одной и той же истории. Всю жизнь мне, как и тебе, говорили, во что следует верить. Так что я успел понять – эти люди очень убедительно жонглируют словами. Ты рассказала им о себе? О том, что твои знаки появились сами собой?

Я медленно покачала головой.

– Если они пока не знают об этом, то наверняка догадываются. Скорее всего, им известно, как ты сильна, и они предпочитают видеть тебя слабой. Власть предрежающие забираются на самый верх не потому, что они ужасающе плохи, а

потому, что они невероятно талантливы, — они умеют убеждать, извращать значение слов и вырывать согласие даже у несогласных.

— Прекрасно! — воскликнула я, и мой резкий вскрик удивил нас обоих. — Что же мне делать? Я не могу остаться в Сейнтстоуне... — Я уже не кричала, а устало всхлипывала. — Что ты предлагаешь?

Помолчав, Обель откинул волосы на затылок.

— Давай выпьем чаю, — спокойно ответил он.

Я смотрела, как Обель заваривает чай, и устало тёрла виски. Вскоре передо мной появилась чашка, над которой поднимался пар. Обель сел напротив и отхлебнул из своей кружки.

— Пожалуй, оставаться здесь не имеет смысла, — сказал наставник. — Лонгсайт прав: кто-то должен пойти в Фетерстоун.

Я рассмеялась. Он шутит! Хотя... если Обель говорит серьёзно, значит, мы в тупике.

— В Фетерстоун?

— Да, именно туда. — Он посмотрел на меня очень строго и внимательно. — Я не верю, что Лонгсайт заставит тебя сделать что-то против твоей воли. Шпионки из тебя не выйдет, девочка моя. Однако всегда полезно узнать свои истоки. Вспомни, разве ты не хотела выяснить хоть что-нибудь о родной матери?

Я опустила глаза. О матери я думаю каждый день.

– Пустые далеко не идеальны, однако они вовсе не чудовища из детских сказок, и тебе не помешает в этом убедиться. Ты с ними одной крови, и они нужны тебе так же, как ты нужна им. Кто-то должен предупредить пустых о том, что затевают в Сейнтстоуне. Выполнив приказ Лонгсайта, ты отведёшь от себя беду – по крайней мере на время. Будет война, и тебе предстоит сыграть в ней решающую роль. А пока тебе лучше спрятаться, отсидеться в безопасном месте.

У меня даже волосы на макушке зашевелились. Неужели Обель думает, что я стану играть какую-то роль, жертвовать собой ради непонятных мне идеалов?

– Это ты с ними одной крови, а не я! Ты там вырос – вот и отправляйся обратно, – выпалила я, непреклонно выпятив подбородок.

Обель вздохнул:

– Пустые упрямы, они не верят в перемены, совсем как жители Сейнтстоуна. Меня в Фетерстоуне и слушать не станут.

Обель никогда не рассказывал, почему он ушёл из дома. Я собралась было спросить, но снаружи донёсся шум.

Обель оглянулся:

– Странно. На сегодня никто не записан.

Мы встали и тут же подпрыгнули от неожиданности, услышав громкий треск. Кто-то изо всех сил стукнул в дверь.

Обель приложил палец к губам.

– Кто там? – невозмутимо спросил чернильщик.

– Эй, Уитворт! Открывай! Я в гости!

Мы переглянулись. В глазах Обеля я прочла удивление и... неужели страх? Этот голос мы хорошо знали.

Джек Минноу.

– Прячься, Леора, – прошептал Обель. – В чулан, и поскорее. Что бы ни случилось, не высовывайся. Поняла? Что бы ни случилось!

Я бесшумно закрыла за собой дверь и села на пол, обхватив руками колени. Джек Минноу. Помню, как я выводила сову у него на плече, а знаки на его коже вопили, грозно оскалившись. Меня тогда охватил необъяснимый ужас, какого я не испытывала прежде. Я тонула, задыхалась в беспросветной мгле.

В чулане было так тихо... меня оглушал звук собственно-го дыхания. Я попыталась успокоиться. Лязгнул дверной замок, скрипнула дверь – слышались тяжёлые шаги Минноу.

– Джек Минноу! – отрывисто приветствовал гостя Обель. – Разве мы с вами договаривались о встрече?

– Нет, Уитворт, я не записывался на приём, – дружелюбно отозвался Минноу. – Пришёл поговорить с вашей ученицей. Утром Леору принял мэр, а я хотел бы кое-что добавить к их разговору. Сегодня мне не нужны новые знаки. Хотя, должен признать, в прошлый раз Леора прекрасно выполнила свою работу. И это неудивительно, ведь у неё такой талантливый наставник!

– Спасибо, – негромко поблагодарил Обель. – Леоры нет,

и я не знаю, когда она вернётся.

– А вы неплохо разбираетесь в птицах, мистер Уитворт. Ведь так?

В студии стало очень тихо. Я чувствовала шаги Минноу всем телом. Он остановился у двери в чулан, и я затаила дыхание. Он был так близко – я ощущала его присутствие с закрытыми глазами.

Потом задрожала дверь. Не от стука или похлопывания... по деревянной панели резко пробежались костяшками пальцев, медленно царапнули ногтями слева направо. Всего лишь шорох, скрежет, зловещее предупреждение. Как наш гость догадался, что я прячусь в чулане? Кто ему сказал? Ясно одно: Минноу точно знал, где я, и хотел мне об этом сообщить. Джек Минноу приглашал меня внимательно прислушаться к разговору.

– Вы нанесли неоднозначную, даже провокационную татуировку юной, наивной девушке. Как вы думаете, какое наказание вас ожидает?

– Это была неофициальная татуировка, – прервал его Обель. – Преступникам знак вёрона наносят на кожу головы. Правила не запрещают рисовать вёрона на других частях тела.

– Верно, такова буква закона. А вы педант, Обель! Не знал... И знак, естественно, девушка выбрала сама? Без подсказки?

Тишина.

– Она сама выбрала знак вóрона, не так ли? – повторил Минноу. – И ей никто... не посоветовал? Вы её наставник, Уитворт. Она вами восхищается, возводит на пьедестал. Девушка уловила бы ваш малейший намёк...

Как мне хотелось распахнуть дверь и крикнуть, что знак вóрона выбрала я, моё тело, но я только съёжилась и, дрожа, обхватила колени. Обель велел не выходить, что бы ни случилось. Мои чувства обострились, как у мыши, которая прячется от орла.

– Можете обвинить меня, если хотите, – тихо произнёс Обель. – Я её наставник. Она часто следует моим советам, не буду спорить. Однако знак вóрона Леора попросила нанести ей по доброй воле, без принуждения.

Что-то разбилось, потекла вода – со стола упала чашка с чаем.

– Не трогайте, пусть лежит, – со змеиным спокойствием, от которого у меня кровь застыла в жилах, сказал Минноу. – Странное дело, Обель. Рисунки на вашей коже говорят о доброте и благородстве. Чернила не лгут. Но я знаю, что ваши татуировки – обман. Правда где-то прячется, глубоко, под кожей, и я до неё доберусь.

– Так прочтите мои знаки, Минноу, – язвительно ответил Обель. – Проверьте меня всего, до самых печёнок. Докажите, что я отступник. – Чернильщик горько засмеялся. – Мне нечего скрывать.

Послышался скрежет – Минноу наступил на осколки чаш-

ки, впечатал их в каменные плиты пола.

– В другой раз. Всему своё время. – Он помолчал. – Пожалуй, мне пора, Уитворт. Наверное, Леора ещё не скоро вернётся. – Голос Минноу зазвучал громче, он явно хотел, чтобы я расслышала каждое слово. – Передадите от меня кое-что своей ученице?

– Конечно.

– Наш мэр умеет убеждать, однако иногда он так наивен. Я прижалась к двери. Что он там говорит о Лонгсайте?

– Он неколебимо верит в свою власть, думает, что все подчиняются ему без лишних размышлений. Однако отступникам требуется... особое приглашение, уж я-то знаю! Передайте Леоре, что пришло время выбирать. Игры кончились. И я, и все мы ожидаем от неё присяги на верность. – В голосе Минноу звенела сталь. – Скажите ей и объясните как следует, что тот, кто не с нами, тот против нас. Пусть отправляется в Фетерстоун и делает, что было сказано, иначе её друзьям не поздоровится. У пустых её отыщет связной. – Он помолчал и вежливо спросил: – Ну как, чай допили?

Я услышала, как кто-то взял со стола чашку... чашку Обеля... а потом вдруг – глухой удар, щелчок, крик боли... невыносимой боли. Голос Обеля. Наступившую тишину изредка прерывали сдавленные стоны.

– Так передайте Леоре мои слова, Уитворт. Это в ваших интересах.

Послышались шаги. Открылась и тут же захлопнулась

дверь. Вскоре раздался голос Обеля:

– Он ушёл.

Дрожа и покачиваясь, я вышла из чулана. Всё было ещё хуже, чем я успела вообразить. Обель сжимал правое запястье левой рукой. Вокруг глубокого пореза уже наливался кровоподтёк. Странно согнутые пальцы Обеля безжизненно повисли.

– Это перелом, – с ужасом произнёс наставник, не веря своим глазам. – Рука сломана.

Я дотронулась до его пальцев. Обель попробовал шевельнуть рукой, и я услышала, как скрежещут друг о друга тонкие кости. Что такое чернильщик без руки? Ничто. На лице Обеля блестели капельки пота или слёз. Он взглянул мне прямо в глаза.

– Пора, Леора.

Глава третья

Ноги у меня замёрзли и промокли, носки – хоть выжимай. Я иду уже два дня, сегодня настал третий. На плече у меня сумка, в тёмном лесу далеко разносится звук моих шагов,

вокруг лишь деревья, а впереди – туман.

Из дома я ушла в сумерках, попросив маму передать Лонгсайту моё согласие. Обель написал рекомендательное письмо и объяснил, как найти дорогу «почти до самого города», как он сказал. На прощание он неожиданно обнял меня и вложил мне в ладонь ключ от студии.

– Когда придёт время, ты обязательно поймёшь, как поступить, – сказал он. Потом придержал за плечи и добавил: – Удачи тебе в Фетерстоуне, Леора. Там живут хорошие люди, вот только они всё больше смотрят вглубь, а не на мир, который их окружает. – Обель грустно вздохнул. – Быть может, потому им и нужна ты.

Не хочу вспоминать мамины слёзы. Её испуганное, побледневшее лицо. Она не удерживала меня, даже помогла собраться в дорогу.

– Ты только поосторожнее, – прошептала она, обнимая меня напоследок.

В лесу меня с первых шагов окутал сумрак – солнечные лучи пробивались сквозь плотную листву на рассвете, но отступали перед непроницаемыми тенями. А теперь туман густеет, превращаясь в непроглядную мглу. Значит, скоро опять ночь – крошечная, холодная тьма. Дрожа от озноба,

в ужасе оглядываюсь. Опять ночевать в лесу? Третий раз подряд? Прошлой ночью я совсем не отдохнула, как и в первую, — сидела под деревом, сжавшись в комочек и подскакивая от каждого звука. Я так измучилась, что иду будто во сне.

Останавливаюсь на небольшой поляне и оглядываюсь: куда теперь? Я уже давно перешла реку, ступила на земли пустых. Отмеченным здесь не место. Если хоть один житель Сейнтстоуна нарушит границу, перемирию конец. Надеюсь, Обель всё объяснил в письме и пустые меня не тронут. А почему бы мне не заблудиться насовсем? Вот останусь здесь, на полянке, и жизнь пойдёт без меня и у пустых, и у отмеченных.

Я стою неподвижно и пытаюсь различить малейшие шорохи в листве, на земле, в верхушках деревьев. Слышу стук своего сердца и хриплое дыхание. А вот и другой звук. Птица. Мой лоб сам собой хмурится, и я трясую головой, но шум не пропадает. Он раздаётся совсем близко, и, присев на корточки, я оглядываю лес.

Звук раздаётся снова, и на этот раз я уверена: мне не показалось. В кустах бьёт крыльями пернатое существо, и я осторожно иду на шорох, аккуратно ступаю по краю тропинки, где покрытые мхом валуны заботливо не дают путникам соскользнуть с обрыва. Тревожно кричит птица. Она запуталась в ветвях и теперь перепуганно дёргается и бьёт крыльями. В маленьких глазках застыл ужас.

– Знаю-знаю, каково тебе, птичка, – шепчу я.

Малышка забралась под куст, а вылезти не может. В быстро сгущающихся сумерках помочь ей не так-то просто. Клетка из тонких колючих ветвей держит крепко. Я протягиваю к птичке руки. Она, наверное, видит меня или чувствует моё приближение, потому что всё отчаяннее бьёт крыльями.

– Всё хорошо, – шепчу я. – Сейчас я тебя выпущу.

Я раздвигаю сухие, колючие ветви, морщась от боли, а птица неожиданно замирает. Неужели я напугала её до смерти? Однако, едва заметив путь к свободе, сорока – теперь-то я вижу, что это самая настоящая сорока, – бросает на меня хитрый всезнающий взгляд и вспархивает, бешено хлопая крыльями. От неожиданности я шагаю назад, оступаюсь и, не успев схватиться за ветку, падаю навзничь. Пока я лежу, пытаюсь перевести дыхание, сорока летит вверх, всё быстрее удаляясь от меня.

Я так устала, что не могу даже пошевелиться. Сверху на меня что-то медленно опускается. Это чёрно-белое пёрышко. Подхватив неожиданный подарок, я кричу сороке, будто лишившись рассудка:

– Подожди! Ты забыла перо!

Птица опускается на ветку над моей головой и рассматривает меня круглыми блестящими глазками. Смешно. Я так устала и измучилась, что сил у меня хватает только на смех.

– Я потерялась. Можно мне пойти за тобой? – спрашиваю я.

Птица вспархивает с ветки, но далеко не улетает. Я слышу, как она садится неподалёку. Медленно поднявшись, я плетусь за сорокой. Подхожу ближе – птица смотрит на меня и перелетает чуть дальше. Не знаю, сколько я так иду, который час... Мой взгляд прикован к белым перьям сороки. Без неё я давно заблудилась бы в темноте.

Иногда попадают валуны невероятных размеров, как будто много веков назад их уронил здесь какой-то великан. Некоторые рассыпались вдоль тропинки, другие лежат друг на дружке, образуя невысокие стены, через которые мне приходится время от времени перелезать. С каждым шагом всё труднее идти за птицей. Белые перья – как маяк во тьме. Мне чудится, что сорока ждёт и зовёт меня так же, как я иногда зову её. Чёрно-белое пёрышко я зажала в ладони и воображаю, как отдам его птице, а она вставит потерю куда-нибудь под крыло и благодарно мне кивнёт. Где-то журчит вода, туман становится гуще, запах дыма неотступно преследует меня, как чувство вины. Я иду вперёд за чёрно-белым маячком и мечтаю о гнезде, выстланном мягкими перьями.

Голова неумолимо кружится от усталости, я едва держусь на ногах. Но сорока не даёт мне сбиться с пути, птица, которую я выпустила из клетки. Вдруг она останавливается. Садится на гору исполинских камней. Наверное, раньше здесь возвышалось огромное старинное здание. Птица подпрыгивает и хлопает крыльями совсем рядом. Я оглядываюсь, как в полусне, и словно вижу себя со стороны. Неужели передо

мной та самая птица, которую я освободила из колючих кустов? Или я шла за разными сороками и теперь окончательно заблудилась? Что, если птицы нарочно заманили меня в эти развалины? Я упрямо моргаю усталыми глазами, пытаюсь разглядеть, что скрывает туман. Подобравшись к сороке, я протягиваю к ней руку, но птица с криком взмывает вверх, напоследок стукнув меня в ладонь клювом, и рвётся вперёд сквозь густые тонкие ветви. Я по привычке иду за ней, из последних сил раздвигаю кусты и падаю. Сорока улетает, и я смотрю ей вслед.

И тогда я вижу...

Глава четвёртая

Глаза. Много глаз. И все смотрят на меня. В них отражается пламя костра, пылающего совсем рядом. От едкого дыма слезятся глаза, и я часто-часто моргаю. Слышно только моё быстрое хриплое дыхание, треск сучьев и рёв пламени. Пахнет горелым кофе и древесной смолой, а ещё призраками книг из кожи.

Неопределённость приковывает меня к месту. Прочь толкает страх – постоянное, необъяснимое чувство опасности. Однако держит нежное тепло, исходящее от огня и от людей со мной рядом. Всё кажется до странности знакомым. Моё сердце словно окутано любовью, ощущением дома.

В конце концов, выбирать мне не приходится. Двое – на-верное, мужчина и женщина – подхватывают меня под руки и тянут к огню. Мелькают руки, плечи, лица. Все – пустые. Без единого знака. Меня держат крепко, уверенно. Потом бросают на землю. Я откатываюсь к костру – языки пламени тянутся ко мне с жаркими поцелуями, от людей исходит ледяное сияние. Опираясь на дрожащие руки, я поднимаю голову. Волосы падают мне на лицо, шаль свисает, кулон больше не прячется под платьем. И в свете костра я вижу их всех. Всё сборище. Пустых.

Я дико оглядываюсь в поисках малейшего знака, крошечного рисунка, хоть точки на коже... На меня смотрит лишь пустота. Вот малыш разглядывает меня и вдруг заливается слезами. Плач подхватывают другие дети, что-то тревожно шепчут взрослые. Со всех сторон несётся: «Пробклятая!»

Женщина закрывает ребёнку глаза рукой.

– Кто это, мама? – всхлипывает девочка.

– Ведьма? – шелестит другой голосок.

Их пустота, небытие – как пощёчина. Они все словно прячут что-то грозное, ужасное. От страха кружится голова, и я сажусь, стараясь не упасть. Я никогда не чувствовала себя такой непристойно, бесстыдно громкой, открытой, обнажённой. И перепуганной – напоминает мне барабанный бой сердца, страх никогда не охватывал меня с такой силой.

Глубокий громкий голос перекрывает плач детей и шёпот родителей:

– Где вы её нашли?

Эти слова произносит человек у меня за спиной. Обернувшись, я различаю в отсветах костра седеющие тёмные волосы, светлые глаза и чёрную бороду с пробивающимися белыми волосками – и больше ничего. Ни знаков, ни единой чернильной метки. Мне нечего читать. В груди волной поднимается раздражение. Я пытаюсь встать, но нестерпимо кружится голова.

Он подходит ближе, наклоняется и тянется высохшей рукой прямо к моей шее. Я застываю на месте, как перепуганная мышь в когтях хищной птицы. А ведь всегда думала, что обязательно стану сопротивляться, попробуй меня коснуться чужой. Человек дотрагивается до моего кулона, внимательно его разглядывает и осторожно снимает шнурок с моей шеи, не сводя с меня удивлённых глаз. Он поворачивает-

ся к огню и рассматривает резной листик при свете пламени. И тут ко мне возвращаются силы, из глубины души поднимается храбрость и пересиливает страх. Пошатываясь, я на четвереньках подбираюсь к старику и требую:

– Это моё! Отдайте!

Человек смотрит на меня, приподняв брови. Его неподвижное лицо словно высечено из камня. Ни слова не говоря, он передаёт кулон другому. Вся моя храбрость куда-то улетучивается, и я молча смотрю, как моё украшение, единственное, что осталось на память о папе, переходит из рук в руки. Пустые передают его друг другу, рассматривают, бросают на меня непонятные взгляды.

Как много людей у костра – не меньше двух сотен. Есть и старые, и молодые, но детей совсем мало. Древней старухе помогают провести пальцами по деревянному украшению, шёпотом поясняют, что происходит. Малыш тянет кулон в рот.

Наконец деревянный листик на шнурке возвращается к бородатому. Он кивает и о чём-то советуется с женщиной рядом. Она обращается к нему по имени – Соломон. Мужчина шагает ко мне и глубоким, звучным, как у древнего божества, голосом, от которого дрожит земля и колеблется пламя, спрашивает:

– Флинт?

Откуда он меня знает? Соломон протягивает мне руку и помогает встать. Подняв кулон вверх, он медленно, церемон-

но надевает его мне на шею. Все глаза устремлены на меня. По толпе проносится глухой ропот – не понять, радостная ли это встреча или объявление войны. На меня наваливается усталость, голова кружится, жар костра обволакивает душным одеялом, и я обессиленно падаю на землю.

Глава пятая

Мне снится, что уже ночь, и во сне я ныряю в чёрное озеро, посеребрённое лунным светом. В тёмной воде мои бледные руки тянутся в глубину. Нет ни камней, ни водорослей... Я касаюсь холодного и скользкого речного дна. Воздух в лёгких заканчивается, и я всплываю, мечтая сделать вдох. Однако вода не выпускает меня, я не могу добраться до поверхности.

Вижу себя откуда-то сверху – я в бутылочке чернил. Распластавшись по стеклянному боку сосуда изнутри, я открываю рот в безмолвном крике. Лёгкие заливают чернилами, и мои слёзы смешиваются с чёрной жидкостью... я тоню.

Я вся в чернилах – снаружи и изнутри. Мы – одно целое... и я исчезаю во тьме.

Кто-то теребит меня за плечо. Ещё не открыв глаз, догадываюсь по запаху: я не дома. Пахнет лесной сыростью и дымом, и память услужливо откликается, напоминая, что произошло. Я торопливо проверяю, на месте ли кулон.

– Вставай, – произносит детский голосок. – Тебя ждут.

Повернув голову, я вижу высокую бледную девушку. Она стоит рядом и бесстрастно смотрит на меня. Её светлые волосы коротко подстрижены на висках, а на макушке растут

свободно, спускаясь широкой полосой на шею. Девушка вся будто состоит из острых углов, в ней нет мягких округлостей, кожа у неё белая, пустая конечно же. Она стягивает с меня одеяло, и я в полусне сажусь, опускаю босые ноги на холодный деревянный пол. Оглядев себя, я удивлённо моргаю. На мне ночная рубашка. Ногам холодно.

Я встаю, и к горлу подкатывает тошнота. Прошлой ночью я потеряла сознание – это я помню. Голова гудит. Я хватаюсь за кровать, надеясь, что головокружение отступит.

– Кто меня ждёт? – глухо спрашиваю я, разглядывая девушку.

– Одевайся и приходи на кухню, – коротко отвечает она и уходит.

Чуть-чуть раздвинув шторы, чтобы впустить в комнату немного света, я оглядываюсь в поисках сумки. Её нигде нет. Одежда, которую я принесла с собой, лежит на стуле. Выходит, вчера ночью меня кто-то раздел. Не самая приятная мысль. Не хочу даже думать о том, как кто-то касался меня, видел моё тело, рассматривал татуировки. Завернувшись в простыню, я до конца открываю шторы. В запотевшее окно видны деревья. Людей нет – на меня никто не смотрит. Рама по краям покрыта чёрными дорожками плесени, стекло шатается. Голова больше не кружится, и меня вдруг окатывает жаркой волной страха. Что я здесь делаю? Ищу свои истоки, как советовал Обель, или шпиону, как учил мэр Лонгсайт? Прислонившись лбом к грязному стеклу, я встречаюсь взгля-

дом с собакой на улице. Пёс безразлично отворачивается и ковыляет по дороге.

Пожалуй, я попала не к друзьям. Чего от них ждать? Оставят ли меня в живых? Заявись пустой в Сейнтстоун, он бы и до Дворца правосудия не дошёл – линчевали бы по дороге. Неужели со мной случится то же самое?

Покачав головой – болит, никак не проходит, – я медленно натягиваю одежду. Ботинки куда-то подевались. Носки я держу в руке. Такие знакомые – их связала мне мама, – в этом странном доме они кажутся чужими. Я рассматриваю петли, аккуратно вывязанную пятку и манжеты с ребристым отворотом, а в душе разрастается холодное отчаяние. Я здесь совсем никого не знаю! Ни души! Бессильно опустившись на кровать, я смахиваю жгучие слёзы. Надо вспомнить тех, кому я небезразлична. В памяти всплывает густой голос Обеля; вот мы с Оскаром в тёмном зале музея, он держит меня за руку; мамино лицо, её пальцы перебирают мои пряди; Верити смотрит на меня ясным взглядом и хитро улыбается.

Как они все далеко.

Татуировки нам с Верити сделали почти одновременно, в один день. Мы всегда хотели, чтобы так случилось, и даже записались к чернильщику, ещё когда были подругами. В тот

день я пошла в студию одна. Это случилось примерно спустя неделю после того, что я натворила на чтении имён. Я сомневалась, что Верити придёт, и, увидев её возле студии чернильщика, очень удивилась. Мне вдруг показалось, что это наша последняя встреча – или одна из последних, – и я смотрела на Верити, буквально впитывая её облик. Стоит закрыть глаза, и я до сих пор её вижу: густые тёмные волосы заплетены в косу, смуглая кожа сияет даже в тени. На подруге великолепное шёлковое платье, однако шея закутана старым шарфом – Верити носит его уже много лет, это её талисман. Она надевает этот шарф, когда особенно волнуется.

– Я думала, ты не придёшь, – пролепетала я.

Верити смирила меня взглядом, в котором смешались недоверие и веселье.

– Я ведь обещала, – пожала она плечами.

И в этом вся Верити. Обещала – значит, не отступится от данного слова.

Обель позволил мне нанести татуировку Верити, а потом сделал рисунок на моей коже. Мы выбрали разные знаки, но смысл у них общий. И место тоже – мы нанесли их на верхнюю часть ступни, чтобы видеть, когда опускаешь голову. У меня теперь маленькое синее яичко, а у Верити – цветочный горшок с зёрнышком. Мы долго искали символы начала для следующих меток. У Верити из горшочка вырастет выюнок, который обовьёт её тело, а у меня – яйцо, из него появится на свет птица, потому что моё тело выбрало темой для тату-

ировок птиц.

Обель смотрел, как я наносила рисунок. Он ничего не сказал, не исправил, не посоветовал. Верити сидела в кресле, закрыв глаза, как будто наслаждалась прикосновениями иглы – она улыбалась. Это был её первый избранный знак. Я столько лет ждала возможности сделать подруге татуировку... И время пришло, она доверила мне нарисовать чернилами крошечное зёрнышко. Я старалась изо всех сил, даже молилась пращурам: «Оставьте для меня место на выюнке, который покрое её кожу!»

С тех пор как умер папа, я не возносила молитв. Не знаю, стоит ли, но тогда мне казалось, что обратиться к пращурам за помощью не помешает. Обель разрешил Верити посидеть рядом, пока сам наносил мне татуировку. Боль пронзала меня огнём и холодом. Одновременно. Наконец рисунок был готов. Птичье яйцо – чёрное с серым, испещрённое крошечными точками и всполохами белого цвета. Целое. Идеальное.

– Всё? Готово? – спросила я.

Обель неуверенно нахмурился:

– Сейчас, Леора. Последний штрих.

Я выпрямилась, ожидая последних мгновений татуировки. И она появилась. Трещинка в идеальной скорлупе. Обель посмотрел на меня и широко улыбнулся:

– Я не мог иначе, Леора. Этого просила твоя душа.

Между чернильщиком и тем, на чьё тело он наносит

знаки, устанавливается необыкновенная, почти волшебная связь. Некоторые метки куда больше, чем просто чернила на коже.

– Спасибо, – благодарно прошептала я.

Когда мой новый знак закрыли повязкой и Обель принялся убирать рабочее место, я подошла к подруге и, показывая на одинаковые белые бинты на ногах, заметила как можно радостнее:

– Первые знаки! Одинаковые! Как мы всегда хотели!

Верити улыбнулась, однако в её глазах затаилась печаль.

Трещинка в скорлупе. Свет проникал внутрь, а жизнь выходила наружу. Трещинка оказалась для нас шаровой молнией, перепутьем на дороге. Отныне мы пойдём в разные стороны. Превжняя жизнь не вернётся.

Окажись я сейчас в Сейнтстоуне, прежней Верити мне не найти. От нашей близости ничего не осталось. Не знаю, будем ли мы снова вместе. И теперь, в маленькой тёмной комнате незнакомого города, в окружении тех, кого привыкла считать врагами, меня тянет закрыть этот знак на ноге, спрятать его, защитить разбитую скорлупу. Надев носки, я медленно выхожу из комнаты.

Глава шестая

С улицы в открытую дверь тянет холодом. Неплохой путь к отступлению. Вот сбегу – и никто даже не заметит! Но куда же я пойду? Да и моим друзьям и маме тогда не поздоро-

вится.

Пока я раздумываю, кто-то входит и захлопывает дверь. Это широкоплечий парень с грязно-коричневыми волосами, чуть старше меня. Он останавливается и в изумлении оглядывает меня с головы до ног. До двери теперь не добраться, неожиданный гость занял весь коридор. Парень отбрасывает со лба волосы и пристально разглядывает меня холодными – холоднее осеннего ветра, задувавшего с улицы, – глазами. Он чем-то похож на девушку, которая приходила ко мне раньше, такой же резкий и угловатый. Не смотри он так хмуро и неодобрительно, показался бы даже симпатичным.

– Кухня там, – кивает он налево и неподвижно следит за мной, пока я не направляюсь на звон тарелок, вилок и манящий аромат поджаренного хлеба. Даже сейчас, когда мысли путаются от страха, запах выпечки меня успокаивает.

На кухне светло, но почти пусто. Тепло исходит только от плиты. Я искоса оглядываю комнату, а потом девушка за столом поднимает на меня глаза и вскакивает со стула. Шагнув вперёд, я замечаю, что новый знакомый стоит у меня за спиной. Я неловко отступаю, но всё же оказываюсь у него на пути, и с сердитым вздохом темноволосый проходит мимо.

– Я думал, ты за ней присматриваешь, Галл, – говорит он девушке, недовольно сверкая глазами.

На меня он даже не смотрит. Можно подумать, я невидимка, или он очень хочет, чтобы меня не было видно и слышно. Девушка заливается краской и отвечает ему не менее возму-

щённо:

– Ну да... Но не буду же я смотреть, как она одевается, правда?

Девушка придвигает ко мне кружку с отбитым краем, и я сажусь за старый деревянный стол.

– Хорошо, что я вовремя пришёл, – ледяным тоном сообщает юноша. – Она чуть не сбежала. – Я не успеваю вставить и слова в свою защиту, а он продолжает: – Пойду. Сегодня много дел. – Он берёт с тарелки ломтик поджаренного хлеба. – Мать с отцом на тебя рассчитывают, Галл. Не подведи! – напоминает он, выходя из кухни.

Девушка негодуяюще смотрит ему вслед, чего он, по-моему, вполне заслуживает.

– Спасибо, что позволили остаться у вас на ночь, – откашлившись, неуверенно произношу я.

Не знаю, чего здесь стоит бояться, и на всякий случай опасаясь всего. Девушка по имени Галл смотрит на меня, не скрывая презрительного любопытства. Она рассматривает татуировки у моей шеи, на руках, мятую одежду и носки.

– Я должна накормить тебя перед встречей с остальными, – говорит она, накладывая мне в тарелку что-то из кастрюльки на плите. – Кстати, Фенн прав, – хмуро кивает на дверь девушка. – Следить, чтобы ты не сбежала, тоже моя обязанность.

– Я бы никуда не ушла, – почти искренне отвечаю я. – У меня и ботинок-то нет, – добавляю я, но девушка не улыба-

ется в ответ. — Разве я пленница?

Как глупо это звучит... Можно подумать, я всё ещё ребёнок и играю с друзьями в разбойников. Однако Галл молчит, и мои слова повисают в воздухе. Опустив глаза, я изучаю плошку с жидкой кашей. Поджаренный хлеб мне, очевидно, не полагается.

— Ты не пленница, — с намёком на улыбку отвечает девушка. — Просто... не пытайся бежать.

Что ж, понятно. Галл выливает остатки чая в раковину и моет чашку.

— Моих родителей и так не жалуют за то, что они тебя приютили. А братец так и подавно — безмерно счастлив, — насмешливо приподнимает она правую бровь. — Отца ты видела вчера вечером у костра, его зовут Соломон.

Тот самый великан с бородой и мозолистыми руками?

— А с мамой познакомишься чуть позже, когда тебя примут в Доме старейшин. Её зовут Тания. Давай ешь.

Я помешиваю кашу в надежде разбить комки и сделать эту жижу хоть чуть-чуть съедобной. Чай, который налила мне Галл, совсем слабый, и к нему нет ни капли молока. Закрыв глаза, я отправляю в рот ложку непонятного варева и запиваю горячим чаем. Надо было прихватить одежду потеплее — плита едва греет, и меня всё время знобит. Хотя вообще-то у пустых уютнее, чем я ожидала, кухня — как в обычном доме. Галл выходит и вскоре возвращается с моими ботинками и накидкой, которую вешает на спинку стула.

– Сегодня холодно.

Одним глотком я допиваю чай и торопливо зашнуровываю ботинки – с них кто-то заботливо счистил почти всю грязь. Входную дверь заклинило, Галл раздражённо пыхтит и дёргает за ручку. Наконец створка с недовольным скрипом распахивается и напоследок громко хлопает о стену.

– Пошли.

Галл надела широкое ржаво-коричневое пальто с капюшоном, который закрывает почти всё лицо. Мне остаётся только набросить на плечи шаль и идти следом.

Бывает, мне снятся знакомые места. Вроде бы всё как на самом деле, только чего-то не хватает. В Фетерстоуне меня охватывает именно такое чувство – я почти дома... почти. Здесь многое напоминает о Сейнтстоуне, но расстояния гораздо короче – всего за несколько минут мы доходим по обшарпанным улочкам до центра города. Домишки здесь маленькие и обветшалые, но хозяева их украшают как могут – разноцветные шторы обрамляют запотевшие окна, растрескавшиеся двери аккуратно покрашены. Всё старое, поблекшее, на улицах грязно – дороги покрыты слоем песка, размокшей под дождём глиной, кое-где проглядывают остатки светлых каменных плит. Из-за утреннего тумана всё сильнее

кажется, что я брожу во сне, да и очарования улочкам он не добавляет. Мне не попало ни одной мощёной дороги, всюду под ногами лишь утоптанная земля. Городок будто не достроили – не хватило средств или материалов, а может, и сил.

На центральных улицах людей больше, попадаются магазинчики с едой и одеждой, есть и высокие здания, похожие на амбары. А вот и единственный кирпичный дом – Дом старейшин, как поясняет Галл. Меня преследует странное ощущение – не могу поверить, что мы в городе, а не где-то за полями, на выселках.

Повсюду собаки, каждая с хозяином, но время от времени слышится лай и рычание. Пахнет конским навозом. Наверное, где-то неподалёку конюшни. Заметив меня, встречные отводят глаза, прохожие умолкают. Я вдруг чувствую себя на редкость свободно – здесь никто ничего обо мне не знает и не может узнать. От мысли о том, что за мной следит столько глаз, перехватывает дыхание и сжимается горло.

Эти люди так долго держали в страхе Сейнтстоун. «Не шали, не то достанешься пустым», – слышала я с самого детства. Всякий раз, когда пропадал ребёнок, мы думали, что его забрали враги. Пустые травили наш скот, воду, людей...

Я то и дело натыкаюсь взглядом на совершенно чистую, пустую кожу – как в кошмарном сне. Воздух будто загустел от чужих взглядов; я едва переставляю ноги, разболелась и голова.

– Послушай, – придвинувшись ближе, тихо говорит Галл.

Наверное, Дом старейшин уже совсем близко. – Не дай им себя запугать. Говори правду – больше им ничего не нужно.

Смешно. Если бы всё было так просто... Да у меня в запасе куча честных ответов, выбрать бы правильный. Мои мысли перебивает стук копыт. Толпа быстро окружает всадников, остановившихся на другой стороне площади. Там шестеро на лошадях и ещё фургон с пассажирами. Длинноволосый мужчина с перепачканным лицом забрасывает на спину мешок и взбирается на повозку.

– Что это? – шёпотом спрашиваю я Галл, но она не отвечает, поглощённая происходящим.

– Удачи! – кричит кто-то, и возглас подхватывают в толпе – отъезжающих подбадривают и желают всего хорошего.

С повозки машут и прощаются, но, прежде чем кавалькада трогается, всадница на каурой кобыле раздвигает толпу и останавливается, оглядывая площадь. Наши взгляды встречаются.

– Это Сана, – едва слышно поясняет Галл.

Мы пятимся, я смотрю под ноги, чтобы не упасть. Сана понукает лошадь и наступает на толпу. Сапог всадницы оказывается рядом с моим лицом. От лошади исходит тепло, я слышу её дыхание. Стараясь разглядеть всадницу, я выпрямляюсь, и шаль соскальзывает мне на плечи. Люди отшатываются от нас с Галл, по толпе прокатывается неодобрительный рокот.

Женщина на лошади, Сана, деревянным кнутовищем под-

нимает мне голову за подбородок. Мы молча смотрим друг на друга. У Саны тёмные кудри почти до плеч и яркие, живые глаза, которые светятся ехидством. Наверное, она ровесница моей мамы и моей родной матери. Я держусь уверенно и не отвожу взгляда, но с первыми словами Саны моя храбрость улетучивается.

– Мы уходим! – громко объявляет она. – И скоро вернёмся с добычей! В Сейнтстоуне всего вдоволь, отмеченные не заметят пропажи.

Кое-где в толпе раздаются крики, но большинство молча смотрит на нас с Саной, они ждут моего ответа. Теперь понятно: всадники и люди на повозке спешат в Сейнтстоун – грабить.

– Жаль, что приходится уезжать сейчас, когда к нам пожаловала гостья, – задумчиво добавляет Сана.

В моей груди жарким пламенем вспыхивает ярость. Так вот как они живут – воруют у нас! Лонгсайт не ошибся. Я отвечаю Сане гневным взглядом. Пусть видят – меня так просто не запугать! Придвинувшись ещё ближе, всадница склоняется надо мной и, убедившись, что даже стоящие поблизости её не услышат, тихо произносит:

– Как ты похожа на свою мать! – Её глаза вспыхивают тёплым светом. – Когда я вернусь, мы обязательно с тобой обо всём поговорим. Добро пожаловать, Леора!

Я в изумлении открываю рот, однако Сана отрывисто командует, и всадники исчезают под стук копыт. Я провожаю

их взглядом и не сразу понимаю, что Галл тянет меня за рукав.

– Идём, – повторяет она. – Мы опаздываем.

Здание Дома старейшин – самое высокое на площади, построено из серого камня и укреплено толстым, пострадавшим от непогоды деревянным брусом. В высоких узких окнах отражается тёмное, призрачно-неподвижное небо. На верхней ступеньке нас ожидает женщина, её густые волосы развеваются на холодном ветру. При виде Галл она хмурится:

– Галл, сними же ты, наконец, этот капюшон!

Галл стягивает капюшон, насупившись точно так же, как я, когда мама велит мне что-то сделать.

– Мама, – кланяется Галл и тихо произносит: – Я её привела.

– Вижу, – кивает женщина.

В её длинных светлых прядях серебрится седина, щёки покрыты веснушками, а губы, судя по морщинкам, привыкли скорее к улыбке, чем к недовольной гримасе.

– А теперь оставь нас. Проверь, может, Фенну надо помочь. Только будь поблизости. Когда собрание закончится, я тебя позову.

Галл кивает и уходит. Сделав несколько шагов, она вдруг наклоняется, поднимает что-то с земли и прячет в сумке на поясе. Когда она выпрямляется, я ловлю её любопытный взгляд. Интересно, о чём думает Галл, буравя меня взгля-

дом?

Вслед за матерью Галл я иду по сумрачному коридору. Внутри Дом старейшин не отличишь от обыкновенного здания – ни картин, ни статуй, ничего общего с величественным убранством правительственных зданий в Сейнтстоуне. Стены обшарпанные, давно не крашенные, и пахнет как в школе или в той комнате в здании правительства, куда мы ходим для чистосердечного признания. По обе стороны широкого коридора попадаются закрытые двери, а вот лестница, вход на которую закрыт низкой, не выше пояса, стеной – скорее просьба не входить без приглашения, чем запрет. Пол выложен жёлто-красной плиткой. Наверное, когда-то мозаика радовала глаз, а сейчас одни квадратики потрескались, других не хватает. Входная дверь захлопнулась, и в коридоре стало ещё темнее. Мать Галл ведёт меня в первую комнату справа, и я мысленно готовлюсь к суровому допросу.

Первым делом в глаза бросается низкий, грубо сколоченный круглый стол. Комната просторная, а на стульях вокруг стола лежат мягкие вышитые подушки. Хочется взять их в руки, рассмотреть вышивку поподробнее, использовать новые мотивы в татуировках. Издали не видно, что изображено на подушках – картины, слова или просто чередование

знаков. Обель наверняка предложил бы мне всё нарисовать. Красивые мотивы, но здесь они никого не удивляют – цвета поблёкли, ткани не радуют глаз.

За столом четверо – среди них и Соломон, отец Галл, – перед каждым чашка кофе. Мать Галл не спеша подводит меня к стулу у окна и жестом предлагает сесть. Все держатся очень спокойно и сдержанно, отодвигаются, уступая моей провожатой место за столом. Сквозь трещину в раме тянет холодом, и я поплотнее закутываюсь в шаль.

Обо мне будто забыли. Наблюдать за пустыми – странно и удивительно. Они пьют кофе и тихо переговариваются. Кто-то украдкой смеётся и кашляет. Пустые не должны быть такими. Они не могут вот так сидеть, пить кофе и вести беседу. Они не... обычные люди. Я закрываю глаза и тут же вижу другого пустого, за стеклом, в музее. Горло сдавливают страх, который всю жизнь преследовал меня в том зале. Я вижу списки убитых, слышу истории о невероятных жестокостях пустых. Повинуясь знаку одной из старейшин, сидящие за столом склоняют головы и закрывают глаза. Скорее всего, молятся.

Дома, в Сейнтстоуне, я бы сразу догадалась, кто есть кто. По меткам и знакам на коже я бы узнала, кто пользуется наибольшим уважением и какой пост занимает. Но здесь все старейшины выглядят одинаково.

В комнате очень тихо, за окном клубится туман, я устала и будто бы впадаю в транс. Мои глаза сами собой закрываются,

я растворяюсь в тишине, вдыхая ароматы кофе и древесины. От стен тоже исходит необычный запах. В темноте мелькают искорки – мысли сами собой складываются разноцветным узором. Я прислушиваюсь к разговору старейшин, один из них дышит с присвистом и хрипом. Вдруг раздаётся резкий кашель, и я открываю глаза – все смотрят на меня.

– Собрание объявляется открытым.

Эти слова произносит пожилая женщина, очень прямо сидящая на стуле. Её седые пряди мелкими кольцами спускаются на плечи, а глаза смотрят ласково. Она держится уверенно, видно, что в любую минуту готова принять ответственность и отдать приказ. Её смуглая, изрезанная морщинами кожа напоминает потрёпанное одеяло или вспаханную землю.

– Вчера у костра случилось нечто неожиданное. – Она опускает глаза и украдкой улыбается. – К нам пришла гостья.

– Незачем приукрашивать, Руфь. К нам пожаловала отмеченная беглянка, если не шпионка, – резко произносит мужчина с угрюмым лицом.

Он заправляет за уши давно не мытые волосы и окидывает меня подозрительным взглядом сузившихся карих глаз. Его лицо похоже на сдувшийся мяч – грустное и в намечающихся морщинах.

Руфь кивает:

– Да, Джастус. К нам пришла отмеченная девушка. У неё на шее кулон – знак отличия, которым награждают только

наши старейшины, и лишь тех, кто проявил отвагу.

Мужчина хмуро опускает голову. Руфь поворачивается к Соломону:

– Покажи нам её сумку.

Я вздрагиваю от страха. Ну конечно, это они забрали мои вещи, кто же ещё! Вот бы вспомнить, что у меня с собой было. Соломон молча достаёт откуда-то сумку и выкладывает её содержимое на стол. Со своего места у окна я пытаюсь разглядеть, что же им досталось. Вижу блокнот, наполовину изрисованный эскизами, одежду, тёмный металлический ключ от студии, остатки еды и пустую фляжку. И письмо Обеля.

Старейшины передают письмо друг другу, вчитываются в каждое слово. Наконец Руфь поворачивается ко мне.

– Ты пришла из города отмеченных, где, без сомнения, много лет слышала о нас только плохое. Странно, наверное, увидеть, что мы такие... какие есть. – Я опускаю глаза, и старейшина со смехом подбадривает меня: – Не смущайся. Мы все верим учителям, пока не научимся добывать знания самостоятельно. У нас ты узнаешь много нового. Нам тоже не помешает освежить в памяти кое-что известное об отмеченных. А теперь к делу. Вот это, – Руфь обводит рукой сидящих за столом, – и есть наше правительство. С Танией ты уже знакома.

Я киваю матери Галл и Фенна и смущённо улыбаюсь:

– А это её супруг, Соломон.

Великан смотрит на меня с уже знакомым каменным вы-

ражением лица. При свете дня Соломон выглядит моложе, не таким страшным, хотя и по-прежнему мрачным. У него ярко-синие глаза, и, судя по вееру морщинок возле них, Соломон часто улыбается. Вот только не сейчас, мне его улыбки пока не досталось.

– Это Джастус Спеллер.

Мужчина с длинными слипшимися прядями бросает на меня холодный взгляд.

– А это Касия Майн.

Полная светловолосая женщина доброжелательно мне кивает.

– Меня зовут Руфь Беккет. Наш совет старейшин меняется каждый год – одни уходят, другие остаются. Неизменны лишь наши ценности. Мы трудимся вместе, меняемся, договариваемся, приходим к общему мнению. В Фетерстоуне нет высших и низших, нет классов и различий. Мы все граждане нашего города, и все – равны. Я объясняю это тебе прежде всего затем, чтобы ты поняла: не нужно производить впечатление на кого-то одного. Когда мы принимаем решение, наши голоса равнозначны. Сегодня мы обсуждаем, что делать с тобой.

Мой взгляд непроизвольно скользит по коже Руфи – мне так хочется поставить на ней знак. Эта женщина одновременно притягивает и отталкивает. Её кожа очень мягкая и не слишком натянута. Что, если украсить её рисунком коры дерева, зарослями мха или потёками вина? Интересно, как

чернила лягут в её морщины, как игла чернильщика ощутит её плоть? Руфь – пустая, её кожа молчит, и это безмолвие настораживает. Меня тянет поставить на ней знак, чтобы точно знать, кто она. Я хочу вытатуировать знаки на всех старейшинах, показать всем, какие они.

Охватившее меня беспокойство прорывается дрожью рук. Пусть я сама не понимаю, ради чего заявила в Фетерстоун: запалить шнур взрывателя или затоптать искры пламени, но догадаться о моих сомнениях не должен никто!

– Видишь ли, дитя моё, – одними глазами улыбается мне Руфь, – мы слишком мало о тебе знаем. Кое о чём нам рассказали твои знаки – значение некоторых меток и их важность нам немного известны. В нашем городе я последняя, кто помнит Сейнтстоун...

Прежде чем с моих губ срывается неизбежный вопрос, она поднимает руку и жестом просит не перебивать.

– Однако мы считаем, что знаки рассказывают не всю правду, а иногда и скрывают истину. Искажают её. Мы все хотим понять, почему ты здесь, а не дома, с отмеченными. И откуда у тебя кулон-перо. А мне лично очень хочется услышать историю о том, как на твоей груди появилась татуировка вёрона.

Под испытующими взглядами старейшин я выпрямляю плечи, и рисунок вёрона у моей шеи проступает явственнее.

– Начнём с самого начала, – предлагает Руфь. – Как тебя зовут?

– Леора. Леора Флинт.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать. Кажется.

На моих щеках разгорается румянец.

– Тебе так кажется? – подсказывает Джастус, тот самый мужчина с угрюмым лицом. Он записывает наш разговор на бумаге.

– Точная дата рождения мне неизвестна. Скорее всего, мне шестнадцать или недавно исполнилось семнадцать лет. – Я глубоко вздыхаю. – Вполне возможно, что вам мой день рождения известен куда лучше, чем мне. Я пришла в Фетерстоун, чтобы разузнать о моей родной матери – Миранде Флинт.

Старейшины одновременно в изумлении охают и обмениваются потрясёнными взглядами. Джастус хмурит брови, а его щёки окрашивает тёмный румянец.

– Миранда Флинт... – с непроницаемым выражением лица произносит Руфь. – Что ж, к этому мы ещё вернёмся. Ты добралась к нам из Сейнтстоуна?

Я киваю.

– И дорогу тебе показал Обель Уитворт?

Я снова киваю. Мать Галл внезапно закрывает глаза, будто справляясь с приступом боли.

– Так вот куда занесло твоего сына, Тания, – ухмыляется Джастус, но тут же умолкает под грозным взглядом Соломона.

– Почему ты ушла? – задаёт новый вопрос Руфь.

Я пришла вас предупредить: мэр Лонгсайт намерен стереть всех пустых с лица земли, и очень скоро. Я пришла, чтобы шпионить за вами, а потом рассказать обо всём мэру – новые сведения помогут ему поскорее с вами разделаться. Я пришла убедить вас отказаться от ваших легенд и принять наши – и жить в мире с отмеченными. Я...

– Я ушла, потому что мне слишком тяжело жить в Сейнтстоуне. Там меня считают предательницей и полукровкой. Недавно выяснилось, что мой отец когда-то жил в Фетерстоуне, а моя мать – моя настоящая мать – была одной из вас. Судя по тому, что мне рассказали, вероятнее всего, я родилась здесь, среди...

– Пустых – ведь так вы нас называете?

Я киваю. Интересно, а как они называют себя?

– И так ты познакомилась с Обелем Уитвортом? – Голос Руфи успокаивает и ободряет, словно выманивая у меня ответы. – Потому что он тоже живёт в Сейнтстоуне?

Я киваю. Руфь обдумывает мои слова.

– Выходит, тебя изгнали из Сейнтстоуна и ты пришла к нам, чтобы узнать о своём прошлом среди пустых?

В который раз я молча киваю.

– Понятно. – Руфь решительно складывает на груди руки. – Да, Леора, нам есть что обсудить. Принять решение будет непросто. И твои знаки здесь не главное. Твой отец был героем, Леора, и перо – его награда за храбрость. Однако он

был и предателем. Он предал нас...

— ...Как предавали все отмеченные раньше и как предадут впредь, — перебивает её Джастус звенящим от ярости голосом.

Руфь ненадолго умолкает, ожидая, когда его слова растворятся в напряжённой тишине.

— Я предлагаю, — обращается Руфь к старейшинам, — познакомиться с Леорой поближе, рассказать ей о нашей жизни. Со временем — и нам потребуются дни, а не часы — мы поймём, можно ли ей доверять. — Все, кроме Джастуса, согласно кивают. — Я надеюсь, что мы многому научимся друг у друга.

— День за днём предатель будет жить с нами, в сердце нашего города, — холодно напоминает Джастус. — Кто знает, чем это кончится. Пусть решают все. Брать ответственность на себя слишком опасно.

— Ты прав, — помедлив, отвечает Руфь. — Пусть решает весь город — слова старейшин недостаточно. Поговорим о нашей госте вечером, у костра. Леора, если ты останешься в Фетерстоуне — на несколько дней или лет, — тебе придётся жить по нашим законам. Мы не признаём знаков на коже, тайн и лжи. Мы живём честно.

Руфь отдаёт мне письмо Обеля и разрешает уйти.

Здесь не признают знаков на коже, тайн и лжи. Говорят только правду. Ледяная рука сжимает мне сердце. Как раз правды-то я никому рассказать не могу.

Глава седьмая

Галл ждёт меня на ступеньках Дома старейшин.

– Сегодня вечером, у костра, старейшины спросят у всех, что со мной делать. А пока, похоже, тебе от меня не изба-

вителься.

Галл молчит, и я глуповато добавляю:

– Уж извини.

– Ничего, – пожимает плечами Галл. – Только будет скучно. Показать тебе город?

Я киваю.

Галл высокого роста, она ходит неторопливо, слегка сгорбившись и глядя в землю. Она похожа на бойца, который пытается избежать драки, однако всегда начеку.

Мы идём рядом, и, раз уж беседа не клеится, я разворачиваю письмо от Обеля.

Он, как всегда, немногословен.

Это Леора.

Она сама расскажет о себе. У неё перо Флинта.

Я ей верю.

Обель

Сколько тепла в его словах! «Я ей верю»... Это послание адресовано и пустым, и мне. Я сворачиваю письмо и прячу его в карман рубашки. Однако ощущение тепла скоро развеивается – ведь мне нельзя доверять. Я пришла в Фетерстун, чтобы шпионить за пустыми, приблизить их гибель. Мел считает, что пустых достаточно вывести на верную дорогу... Я пытаюсь представить себе мать – женщину, которая дала мне жизнь, – и отца. Когда-то они были вместе. Возможно (и тут мне сложно сказать, чей это голос шепчет мне на ухо, мэра Лонгсайта или мой собственный), я смогу объединить

наши города, исправить разрушенное много лет назад.

– А Обель давно ушёл из Фетерстоуна? – спрашиваю я Галл. – Он ведь твой брат, правда?

– Не помню. Я была совсем маленькой.

Снова воцаряется молчание, и я в раздражении кусаю губы.

Мы идём по улице, и в который раз город кажется мне знакомым. Как всё похоже на Сейнтстоун... только старше и меньше, требует ремонта и ухода. Как будто Сейнтстоун пообносился и обветшал. Признаюсь честно, ничего подобного я не ожидала. Я надеялась увидеть совершенно другой город, ничуть не похожий на тот, где я выросла. И ещё одна странность: здесь ничто не говорит о приближающейся войне. Жители Фетерстоуна – усталые, с серыми лицами – даже отдалённо не напоминают коварных похитителей и жестоких разбойников из моих детских кошмаров. Почему Лонгсайт их так боится? А эти всадники, отправившиеся утром в набег на Сейнтстоун? Смех да и только!

– Я и не думала, что вы держите домашних животных.

Я с улыбкой смотрю на собаку, которая трусит нам навстречу рядом с хозяйкой. Женщина прибавляет шаг и отводит глаза.

– Вы? Ты думаешь, мы какие-то не такие? Не люди? – останавливается Галл.

– Ну... я не то хотела сказать. – Сердце у меня падает, а щёки заливают румянцем. – Извини, пожалуйста.

Галл пожимает плечами:

– Мы такие же, как вы, только в Фетерстоуне обходятся без этих... глупостей.

Галл кивает на мои знаки, и я поплотнее запахиваю на груди шаль.

– Глупостей? – ошарашенно переспрашиваю я. – Для тебя мои знаки – глупости?

Теперь краснеет Галл, однако глаз не отводит и даже снимает капюшон.

– Хочешь честно?

– Да.

– Твои метки – грязь. Вы покрываете себя татуировками – идёте против природы.

Мне есть что ответить. Мои метки отражают мою сущность. Они чисты и священны. А вот Галл с её безмолвно вопящей пустой кожей совершенно, абсолютно, бесспорно не права. Вот только... пройди мы с моей пустой спутницей сквозь зеркало и окажись на главной площади Сейнтстоуна, там нас одарили бы похлеще, недовольными взглядами дело бы не ограничилось.

– Потому-то все на меня так смотрят, – только и отвечаю я на выпад Галл.

А не поговорить ли нам о другом?

– У тебя есть собака?

– Да, – радостно улыбается Галл. – Днём она всегда с Фенном. Такая славная...

– Как её зовут?

– Лаго. Ты скоро с ней познакомишься.

– А где сейчас Фенн?

– Работает. Его часто посылают в поле. Правда, там мало что растёт.

– Выходит, урожай вы продаёте? – киваю я на небольшой рынок неподалёку.

У длинного прилавка с фруктами и овощами толпятся покупатели.

– Мы ничего не продаём – мы делимся тем, что есть, со всеми. Если бы не наши охотники, мы бы не выжили.

– Всадники, которых мы видели утром?

– Да. – Галл смотрит мне в глаза. – Они добывают для нас еду, одежду, лекарства.

– Ты хочешь сказать: крадут? – едва скрывая раздражение, уточняю я.

В Сейнтстоуне, Мортоне и Ривертоне жители упорно трудятся, а пустые приходят и берут, что плохо лежит?

– Тебя послушать, так мы в Фетерстоуне все лентяи... У нас просто нет выбора.

Я скептически поднимаю брови – Галл произнесла вслух то, что вертится у меня на языке. Однако... Женщина за при-

лавком с овощами такая худая и измождённая, да и остальные... у всех впалые щёки и голодный взгляд.

– Если бы отмеченные не забрали у нас землю, мы жили бы иначе, – хрипло защищается Галл. – Нас изгнали, вынудили переселиться на бесплодные земли. В неурожайный год мы все голодаем. Если бы не наши охотники и не добрые люди в ваших городах – мы зовём их вóронами – мы бы не выжили.

Так вот как пустые называют своих друзей в наших городах... Отважные или просто безрассудные помощники пустых... Среди них были и папа, и Обель, и Оскар, и Коннор. Мою улыбку при воспоминании о добрых друзьях Галл принимает за насмешку.

– Ты думаешь, нам нравится такая жизнь? – возмущённо спрашивает она.

Что тут ответишь... В школе мы учили совсем другую историю. Как же договор о переселении? Разве пустые не ушли из Сейнтстоуна по доброй воле, чтобы жить отдельно? Задать эти вопросы я не успеваю. С весёлым смехом Галл наклоняется к подбежавшей тёмно-коричневой собаке и треплет её за ухом. Наверное, это Лаго. Неподалёку Фенн отделяется от небольшой группки парней и медленно, нехотя бредёт в нашу сторону. Я протягиваю к Лаго руки, желая познакомиться, и лицо Фенна мгновенно каменеет от сдерживаемого гнева.

Я смотрю ему прямо в глаза – меня не испугаешь, я не

отвернусь и не заплачу. Что ж, даже хорошо, что брат Галл не прячет свои мысли за хитросплетениями вежливости. Не придётся терять времени на разгадывание тайн. Мысли и чувства Фенна написаны у него на лице. Я читаю их почти так же легко, как читала бы знаки и рисунки на коже жителей Сейнтстоуна.

– Оставь в покое собаку, – впившись в меня взглядом, требует он.

Я молча убираю руку.

– Отец зовёт обедать, – сообщает Фенн. – Галл, ты идёшь?

Вот такими, как Фенн, я и представляла себе пустых: холодными, злыми, надменными. Галл совсем другая – спокойная, добрая. Она смотрит на меня и неуверенно улыбается, как будто пытаюсь успокоить.

– Мы скоро придём. Ты нас не жди.

– И не собирался, – фыркает Фенн и уходит, свистом подзывая Лаго.

Он чем-то неуловимо напоминает Джастуса. Фенн ненавидит меня так сильно, что не может даже смотреть в мою сторону. И он прав. Разве мне сто́ит верить?

Обед очень похож на завтрак. В мисках жидкая похлёбка, к которой каждому полагается половина сероватой лепёшки. Однако на кухне тепло, и еда на удивление сытная. За одним столом с Галл, Фенном, Соломоном и Танией мне не по себе. Не знаю, как они обычно обедают, но сегодня все напряжены, едва сдерживаются. Фенн скребёт ложкой по дну и кро-

шит лепёшку. Наконец Соломон, откашлявшись, поднимает на меня глаза:

– Почему он поручился за тебя?

– Кто?

Я даже опускаю ложку, чтобы понять вопрос.

– Обель. Почему он поручился за тебя?

Фенн и Галл не скрывают удивления, и Соломон терпеливо поясняет:

– У Леоры было с собой рекомендательное письмо. От Обеля.

Галл удивлённо взвизгивает, а Фенн роняет лепёшку на стол.

– Он... был моим наставником, – неуверенно поясняю я. Что они знают об Обеле и его жизни в Сейнтстоуне? – Он помогал мне, учил меня.

– Чему?

Галл ждёт моего ответа, широко раскрыв глаза, Фенн – презрительно сжав губы, Тания застыла в недоумении, а Соломон смотрит на меня с непроницаемым, но не враждебным видом.

– Понимаете, я – чернильщица. Ну или была ею.

– Обель стал чернильщиком? – недоверчиво переспрашивает Соломон.

Похоже, они ничего не знают о жизни старшего сына.

– Да, он очень знаменит.

Фенн со скрипом отодвигает стул и встаёт. Он грустно и

разочарованно смотрит в сторону:

– Мне пора работать.

Щёлкнув пальцами, он подзывает Лаго. Собака срывается с тёплого местечка у плиты и бежит следом, тихо цокая коготками по деревянному полу. Соломон что-то говорит вслед сыну, но в его голосе не слышно настойчивости. Тания молча выливает остатки похлёбки в кастрюлю, собирает пустые миски и относит их в раковину. Галл поворачивается ко мне.

– Пойдём со мной, Леора, – тихо приглашает она.

У себя в комнате Галл садится за письменный стол, а мне достаётся место на кровати. Совсем недавно точно так же мы с Верити готовились к экзаменам у неё дома. Я тогда ещё расплакалась, рассказывая о наказании на площади, о том, как отцу Оскара наносили знак вёрона. Кажется, это было не со мной.

Галл снимает с пояса кожаный мешочек и переворачивает его над столом. Белые камушки рассыпаются во все стороны, и Галл аккуратно раскладывает их рядами и кучками. Я искоса наблюдаю, не решаясь задать прямой вопрос. Да, шпион из меня никудышный!

Я достаю из сумки альбом и осторожно раскрываю его на коленях. Описать бы всё словами... Однако рисунки полу-

чаются у меня гораздо лучше, чем рассказы. Мои наброски – почти поэзия. Стоит мне замечтаться, отпустить мысли на волю, и перед глазами встаёт лицо Оскара. Его-то я и нарисую. Умные глаза за очками сияют, волнистые волосы взъерошены, рисунки чернильщика подчёркивают гладкость смуглой кожи. Я рисую его сильные и нежные руки, не прикрытые рукавами запястья. Уголок губ Оскара чуть-чуть приподнят, словно всегда готовый к улыбке.

Усилием воли я заставляю себя отвлечься и рисую другое лицо: с нахмуренными бровями и решительно сжатым ртом. Таким я его помню. Таким он был до последней встречи с Минноу. Обель. Я рисую его за работой – чернильщик творит.

Следующим на белой бумаге появляется темнокожий, очень красивый мужчина с обнажённым торсом. Он смотрит серьёзно, как будто беспокоится за меня. Когда-то мне казалось, что он – сама доброта, а его глаза светились сочувствием. Лонгсайт.

А потом появляется рассказчица. Карандаш будто рисует сам, не спрашивая моего согласия. Мне не передать ярко-рыжего оттенка кудрей Мел, но показать, как они тяжёлыми волнами струятся по её спине, в моих силах. Серые и чёрные линии карандаша никогда не расскажут, как прекрасна Мел в переливающихся золотом юбке и нагруднике, как восхитительны истории, записанные на её коже. Почему... почему я до сих пор думаю о Мел?! Рассказчица мечтает со-

единить разорванные нити. Она надеется, что пустые забудут свои истории и примут наши легенды. Вернутся к истине. Пустые надежды. Здесь, в Фетерстоуне, я понимаю это особенно отчётливо. Достичь цели ей поможет только чудо. Или страшное кровопролитие.

Карандаш скользит по бумаге и выдаёт мои тайные мысли прежде, чем я успеваю их додумать, превратить в законченные образы. Он трепещет, будто пламя свечи или крылья мотылька, шелестит едва слышным шёпотом. Что, если истина не только на нашей стороне? Что, если легенды Фетерстоуна имеют право на жизнь?

Ложь, ересь! Хуже... даже думать так – кошунство.

Глава восьмая

– Так и знала, что мы опоздаем, – шепчет Тания нам в затылки, торопливо шагая к огню.

Костёр пылает, к нему со всех сторон спешат люди. Сего-

дня вечером, как и обещали старейшины, жители Фетерстоуна решат, будет ли мне позволено остаться в их городе хотя бы на время. Мне вынесут приговор.

Я обязательно должна найти себе место среди пустых. Скоро сюда заявится связной от Лонгсайта и потребует сведений. Я будто снова слышу, как хрустят кости сломанной руки Обеля, и вздрагиваю от озноба даже рядом с жарким костром.

– Мы собираемся здесь каждый вечер, – объясняет Галл. – Ужинаем, делимся новостями, принимаем важные решения, говорим о нашей вере.

Пламя и правосудие. Что ж, с ними я уже сталкивалась.

Каждому находится место у огня. Почти все держатся семьями. Фенн сидит рядом, и, устраиваясь на земле поудобнее, я случайно задеваю его колено своим. Он тут же отшатывается, будто обжёгшись. Когда все усаживаются, Соломон встаёт и произносит звучным голосом:

– Мы едины. Одна семья. Один народ. Одно сердце. Одна душа. Мы греемся у одного костра, мы питаем его пламя и живём его теплом. Пламя нуждается в нашей любви и заботе, и нам не прожить без его жара. Мы едины. У нас нет тайн.

Соломон обводит взглядом лица, освещённые золотистым пламенем костра. Жители счастливо улыбаются ему в ответ, и я вдруг вспоминаю, как в дни рождения папа всегда произносил речь, говорил радостно и гордо.

Голоса пустых у костра звучат в унисон:

– Мы питаем огонь. Огонь греет нас. Мы связаны. Мы одно. У нас нет тайн.

Здесь особая атмосфера: все, кроме меня, знают, что и когда говорить, впитывают тепло пламени и доброе отношение соседей.

Сначала я тоже с удовольствием греюсь у огня, но вскоре становится слишком жарко. Лицо будто горит, и я осторожно отворачиваюсь, усаживаясь боком. Рядом со мной устроилась Галл. Она собирает с земли кусочки коры и листьев, что-то чертит в пыли, накаливает сухой лист на тонкую палочку, будто крошечный парус. Мама давно напомнила бы мне, что отвлекаться на посторонние развлечения нельзя, однако у этого костра правила гораздо свободнее. По крайней мере для своих. Я поплотнее закутываюсь в шаль, чтобы спрятать метки на коже, воображаю, каково это – быть пустой, прятать свои секреты. Впервые в жизни мне хочется поступить как пустая – скрыть тайны.

Соломон поднимает руки и снова оглядывает собравшихся.

– Сегодня мне выпала честь и обязанность напомнить вам о нашем прошлом и позволить прошлому осенить благодатью наше будущее. Меня попросили рассказать вам историю, и скоро вы её услышите. Однако сначала мы должны принять важное решение. О нашей гостье.

– Гостье? – бормочет Фенн. – Вот уж кого не ждали.

Галл недовольно толкает его локтем. На многих лицах я

читаю беспокойство – Фенн не единственный мне не верит.

– Утром старейшины посовещались и решили обратиться к вам. Нашу гостью зовут Леора Флинт, она пришла из Сейнтстоуна. – Соломон ненадолго умолкает, дожидаясь, когда стихнет возмущённый шёпот. – Да, она из города отмеченных, и её отец – Джоэл Флинт. Герой и предатель. Вы все помните её мать. – Всё больше голосов присоединяется к хору недовольных, однако Соломон продолжает, не повышая голоса: – Леора принесла с собой письмо. От Обеля Уитворта. – Он опускает голову и тяжело вздыхает. – Обель ручается за неё.

Джастус сплёвывает прямо перед собой. Опираясь на крепкую палку, поднимается Руфь.

– Леору изгнали из Сейнтстоуна, потому что она встала на сторону забытых. Среди них есть и вóроны, много лет тайно помогавшие нам. Леора пришла налегке, у неё ничего нет. Она просит милосердия, желает узнать как можно больше о своих корнях, о своей матери. – Снова поднимается глухое ворчание. Немного тише, чем раньше, если меня не обманывает слух. – Я предлагаю принять эту девочку, показать ей, как мы живём и во что верим. Поделится нашими историями! – Руфь бросает взгляд на Джастуса, который слушает её с каменным лицом. – Если мы узнаем, что Леора пришла в Фетерстоун с камнем за пазухой и несёт нам зло, я первая потребую изгнать её. Но сейчас... давайте вспомним о самом важном – добре, доверии и милосердии. Прошу вас, поду-

майте: позволим ли мы Леоре остаться жить в Фетерстоуне, по крайней мере пока она этого достойна? Если вы против, поднимите руку.

Целый лес рук. И Фенн тоже голосует против. А потом раздаются тревожные голоса:

- Она принесёт нам зло!
- Она отмеченная, ей нельзя доверять...
- Земля уже негодует, с отмеченной будет только хуже!
- Наши легенды исчезнут!
- Она украдёт наших детей, расскажет им лживые сказки...

Все говорят по очереди. Умолкает один – вступает другой. Слушают даже маленькие дети, сонно привалившись к матерям.

К каждому, кто делится своими страхами, подходит один из старейшин и садится рядом. Люди говорят негромко, глядя в лицо старейшинам и держа их за руки. Соломон снова жестом призывает к порядку. Голоса умолкают.

– Я понимаю ваше беспокойство, но скажу только одно: страх – плохой советчик, и мы не должны ему покориться. Слишком долго мы прятались от мира – и что с нами стало? Что? – спрашиваю я вас.

В тишине Соломон поворачивается ко мне.

– Дитя, – тихо произносит он, – что скажешь нам ты?

Все глаза обращаются ко мне. Я сглатываю подступивший к горлу ком. Сейчас всё решится. Как мне найти самые нуж-

ные слова?!

– Вы мне не верите – и вы правы, – наконец выговариваю я, ощущая вдруг вспыхнувший интерес слушателей. – Вы ничего не знаете обо мне, кроме того, откуда я пришла. Я из города, где вас ненавидят и мечтают при первой возможности уничтожить. – Соломон морщит лоб, будто пытаюсь мне сказать: «Так ты никого не переубедишь». – Я пришла, чтобы узнать, кто я и откуда. Других причин нет. – «А вот и врёшь, Леора!» – шелестит в голове тихий голосок. – Если вы позволите мне остаться, я стану работать вместе с вами. Буду уважать ваши легенды и вашу веру. Я никогда не скажу, что мои истории лучше ваших, и не стану ничего рассказывать. Я прошу только об одном – позвольте мне пожить в Фетерстоуне и узнать, кто я и откуда.

Мой голос срывается на последних словах, и я умолкаю.

Сколько правды в том, что я сказала? Не знаю. Я должна остаться в Фетерстоуне, чтобы спасти друзей, и за это я готова драться. А ещё я, кажется, научилась врать. Ведь я почти готова поверить собственным словам. Соломон мрачно кивает и снова оглядывает собравшихся у костра:

– Голосуем ещё раз. Если вы не желаете, чтобы Леора осталась, поднимите руку.

На этот раз руки поднимают только двое: Фенн и Джастус, чему я ничуть не удивлена.

– Вы поступили отважно, открыв ваши сердца, и мы благодарим вас, – обращается Соломон к Фенну и Джастусу. –

Согласны ли вы, что решение было принято честно и Леора может остаться в Фетерстоуне? – Фенн через силу кивает, и вскоре Джастус следует его примеру. – Руфь расскажет Леоре наши легенды, объяснит, как мы живём.

Руфь согласно кивает и произносит те же слова, которые я уже слышала утром.

– Помни, Леора: мы говорим нет знакам на коже, тайнам и лжи.

Все, как один, повторяют, будто заклинание: «Нет знакам на коже, тайнам и лжи». Когда голоса стихают, вперёд выступает Соломон.

– Вот и хорошо, – улыбается он. – А теперь вернёмся в прошлое.

Вдруг поднимается странный шум, похожий на шорох дождя или дуновение ветерка, – это люди у костра дробно постукивают пальцами по земле. От этого звука становится уютно и спокойно. Соломон поднимает руку, и шорох мгновенно стихает. Раздаётся тихий гул – все поют не открывая рта. Звук путешествует по кругу, всё быстрее перетекая от одного к другому, будто кубок, который передают из рук в руки. Я присоединяюсь к хору, чувствуя, когда моя очередь прозвучать, как струна, всего мгновение. Мы все будто струны, на которых играет неизвестный дух.

И когда мне кажется, что быстрее и громче звучать нельзя, голоса стихают. Не знаю, кто подаёт знак, но мы все умолкаем одновременно. В тишине я различаю новые шорохи, ко-

торых не замечала раньше: наше с Галл дыхание, треск сучьев в огне, шёпот листьев в лесу – они тоже с нами. И в этой паутине единения я особенно остро ощущаю: я здесь чужая.

Я буду ждать... и следить. А потом... Однажды я сделаю то, что должна. Я выживу. И спасу друзей.

– А теперь... – голос Соломона звучит как тихие шаги в лесу, – послушайте историю.

Глава девятая

Сёстры

В лесу, неподалёку от города, жил дровосек. Домик у него был маленький, но гостеприимный. Под каждым окном с яркими ставнями цвели в ящиках незабудки и маргаритки. К стене привалился топор, под навесом виднелась ровная поленница. Даже в самый жаркий день путник видел весёлые колечки дыма над печной трубой, и его издали манили ароматы свежееиспечённого хлеба, остывающих пирогов и вкуснейшего жаркого. И если путник ступал бесшумно, то мог услышать голос неземной красоты, подобный пению птиц или ангелов небесных.

А если на его стороне была удача, путник видел открытую дверь и если он был храбр, то заглядывал внутрь. И если путник был добр – его приглашали в дом, если голоден – кормили, а если устал – усаживали на кресла с мягкими подушками. Если же путешественник желал услышать рассказы, он находил их под этой крышей. Хозяин лесного домика был мастер рассказывать истории. Слушая его, любой переносился в недостижимые сказочные миры. И было у дровосека две дочери. Одна – прекрасна, как ясный день, с голосом, подобным ангельскому. Другая – незаметна, как сумерки, и тиха, как лесная полночь.

Путникам домик представлялся уютным, дровосек и его дочери – добрейшими на свете, а истории – захватывающи-

ми и необычными. Однако, когда путники уходили, дровосек сбрасывал маску. Он заставлял дочерей работать с раннего утра до поздней ночи. Девушки готовили, убрали, шили, сажали цветы и ухаживали за садом. Каждый вечер, возвращаясь домой, дровосек ругал дочерей, называл их бессердечными лентяйками. Он превратил свою жизнь в удивительную историю, жил напоказ.

В глубине самой мастерски сложенной поленницы вы бы увидели муравьёв, пауков и древесных червей. Точно так же под маской доброты и сказочной жизни в лесном домике скрывались страшные язвы. Однако путники, зачарованные удивительными историями, красотой и дивным голосом прекрасной девушки, вглубь не заглядывали.

– Пой! – шипел дровосек красавице Мориш.

– Пиши! – скрежетал он, обращаясь к другой дочери, Белиш.

Дровосек твёрдо верил, что однажды истории принесут ему богатство. Король поедет на охоту и услышит в лесу пение Мориш, войдёт в домик и, очарованный красотой девушки и удивительными историями, пригласит дровосека во дворец – королевским сказителем. Но дровосек откажется, конечно, из притворной скромности. Кто же согласится променять свободу на жизнь придворной мартышки! Только в лесу дровосек мог делать что пожелает, обращаться с дочерьми без жалости.

Нет, он не поедет во дворец, но покажет королю книгу,

в которой записаны все истории. Все, ни одна не забыта. «Не знаю, смогу ли я расстаться с ней. Назначить цену? Что ж...» – так скажет дровосек. И король предложит ему золото, много золота, и дровосек разбогатеет.

И каждый день Белия садилась рядом с отцом и записывала его истории. Дровосек то и дело проверял, не пропускает ли дочь по глупости слова или целые фразы, не перекладывает ли его истории. Однако Белия писала слово в слово. Дровосек был доволен – не зря он отправлял эту дочь в школу. Хоть одна из них научилась читать и писать – всё польза. Мории, с её красотой, учиться было ни к чему. Ею и так все восхищались.

Мечтая о будущем богатстве, дровосек совсем позабыл о смерти – а это самый верный способ напомнить о себе старухе с косой. Однажды ночью дровосеку приснилось, что он проклят. Открыв глаза, он уверился, что сон был вещим. Дровосек стал ещё суровее с дочерьми. Он вообразил, что Белия и Мория хотят его отравить, и отказался от пищи. В лесу ему повсюду чудились голоса, и дровосек перестал рубить деревья. Он совсем позабыл о доброте, даже напоказ. Его истории становились всё страшнее и страшнее, и путники обходили лесной домик стороной.

– Кончена моя жизнь, – стонал он. – Ничего у меня не осталось: ни вкусной еды, ни любимого дела... даже истории мои никому не нужны.

Дочери пытались успокоить отца.

– Поешь хоть немного, – уговаривали они. – Ты моришь себя голодом!

Но он только зло усмехался:

– Неблагодарные... Я столько для вас сделал, а вы принесли мне лишь горе. Я умираю!

– Отец, поешь – и ты будешь жить!

– Все смеётесь... ведьмы!

И вскоре пришла к дровосеку смерть. Той ночью разразилась небывалая гроза, и силы тьмы вырвались на волю. Последние слова дровосека долетели до преисподней и обратились тяжким проклятием.

– Я камнем повисну на ваших шеях. Я крысой взгрызусь в вашу плоть. Не видать вам покоя нигде, даже на краю света. Мои истории навечно опутают вас сетями, и, познав невыносимую тяжесть моего бремени, смерть вы встретите в печали и нищете.

И с проклятием на устах дровосек испустил дух.

Мория и Белия плакали по отцу, но не от любви, а лишь по доброте. Каждая втайне надеялась обрести со смертью отца свободу.

И года не прошло, как сбылись мечты дровосека, и в лесной домик явился самый настоящий принц. Очарованный

красотой Мориш, юноша тут же попросил её руки. Мория беззаботно согласилась. Она приказала сестре молчать и не вспоминать об отцовском проклятии.

– Всё будет хорошо, – убеждала красавица Белию. – Со смертью отца жизнь стала только лучше. Если проклятие и было, то ушло за ним в могилу.

Белия радовалась счастьем сестры, однако, прощаясь с ней, украдкой утирала слёзы. Оставшись одна, Белия не находила себе места. Однажды ей приснилось, что Мория тонет в озере чёрных-пречёрных чернил. Утром Белия решила разыскать красавицу сестру.

Много дней шла Белия и наконец добралась до королевства, где жила её сестра. И отшатнулась в испуге от первых встречных. Смотреть на жителей этого города было страшно: их лица и тела покрывали тёмные знаки и рисунки. Когда Белия отыскала дворец и увидела сестру, то в ужасе упала на колени и разрыдалась.

Проклятие поразило Морию подобно отвратительной болезни. Истории дровосека лишили её красоты. Они проявились на коже Мориш рисунками, выдавая все секреты миру. Самые страшные истории о смерти матери и жестокости отца тоже появились, но в укромных уголках тела принцессы. Подняв на сестру заплаканные глаза, Белия увидела на губах Мориш коварную улыбку.

– Проклятие всё же настигло тебя, – прошептала Белия. – Сестра, позволь помочь тебе.

— Мне не нужна твоя помощь, — фыркнула Мория. — И не смей говорить о проклятии! Никто не называет меня проклятой! Когда на моей коже появились первые рисунки, все решили, что это очень красиво и необычно. Жители королевства сами покрыли свои лица и тела рисунками и метками. Мною все восхищаются! Люди готовы расстаться с последним, лишь бы попасть во дворец и взглянуть на истории на моей коже.

Белия смотрела на обезображенную сестру и горько плакала. Ведь пройдёт совсем немного времени, и такая же судьба постигнет и её. Белия умоляла сестру вернуться в лес и попытаться сбросить проклятие, но Мория лишь злилась всё больше и больше.

— Я велю тебя казнить! — наконец вскрикнула принцесса.

Белию выдворили из королевства. По приказу Мории злые собаки, дикие вепри и верные принцессе охранники загнали её в тёмную чащу, в непроходимые болота, но, слыша лай собак и крики преследователей, Белия бежала всё дальше и дальше. Когда ноги отказались её нести, а голова закружилась от голода и усталости, Белия села на поваленное дерево и горько заплакала.

Вдруг что-то небольшое и твёрдое упало ей на голову. Потираяшибленный затылок, Белия огляделась и увидела на земле круглый белый камешек, а в ветвях дерева — чёрного ворона. Птица подобрала ещё один камень, взмахнула крыльями и бросила его на землю, приглашая Белию идти впе-

рѣд. Вскоре Белия набрала целый карман белых камешков и оказалась на берегу лесного озера. Перед ней расстилалась водная гладь, ровная как стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.